

У. Грекоперсидскія войны.

Въ началѣ V вѣка весь греческій міръ, такъ широко распространившійся по берегамъ Средиземнаго моря, испыталъ сильнѣйшій кризисъ: это было столкновение съ великой персидской державой.

Общее строение персидской державы. Исторія государства Ахеменидовъ (550—330), главнаго врага греческой національности въ ея классическую эпоху, мало извѣстна. Надписей и памятниковъ самой персидской державы дошло очень немного. Почти единственные свидѣтели, передающіе извѣстія о персахъ,—греки: Геродотъ (484—425), историкъ великой войны, Ктесій, греческій врачъ, жившій при персидскомъ дворѣ въ началѣ IV вѣка, и Ксенофонтъ (434—359). Естественно, что мы узнаемъ отъ нихъ только тѣ вещи, которыя могли непосредственно интересовать грековъ, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о военномъ устройствѣ и затѣмъ о судьбахъ преимущественно западныхъ окраинъ державы, Малой Азіи и Египта. Что происходитъ въ глубинѣ азіатской державы, въ ея центральныхъ и восточныхъ областяхъ, остается темнымъ и неяснымъ; о культурной жизни, о вѣрованіяхъ и о религіозной политикѣ персовъ мы почти ничего не знаемъ. Вглядываясь въ карту Передней Азіи, мы видимъ, что персидская держава состояла изъ двухъ большихъ совершенно различныхъ географическихъ полосъ. Отъ Эгейскаго моря до Инда протянулась непрерывная цѣпь горныхъ странъ, Малая Азія, Армения, Иранъ; онѣ огибаютъ съ сѣвера обширной, слабо согнутой дугой равнины Месопотаміи и Вавилоніи и плодородные оазы Сиріи, къ которой примыкаетъ, въ свою очередь, богатѣйшая долина Нила. Ходъ образованія персидской державы состоялъ въ томъ, что сначала мидяне, а за ними Киръ объединили всю цѣпь плоскогорій, весь хребетъ Передней Азіи, послѣ чего объединенныя силы горцевъ обрушились на земледѣльческій и индустриальный южный край. Въ дальнѣйшей жизни персидскаго государства югъ остался производителемъ и плательщикомъ, сѣверъ—воителемъ и администраторомъ. Помимо этого общаго элементарнаго

дѣленія, въ персидской державѣ можно различить еще весьма несхожія ступени экономического и культурнаго быта. Впереди стоятъ такія плотно населенныя высокоразвитыя области, какъ Египетъ и Вавилонія. Совершенно инымъ общественнымъ типомъ были бойкіе торговые города Финикіи и Малой Азіи, державшіеся обмѣномъ съ отдаленными странами. Далѣе надо отмѣтить области мелкихъ винодѣловъ и садоводовъ, Сирію и Палестину; край садовладѣльцевъ, сеньеровъ и рыцарей, самое Персію; наконецъ, горныя и степныя области, слабо населенныя варварскими, частью кочевыми племенами, въ Закавказьѣ, Туркестанѣ, Восточномъ Иранѣ и Аравіи.

Пожалуй, можно удивляться, что при такой пестротѣ состава персидское государство продержалось такъ долго. Особаго искусства управленія со стороны персовъ мы не видимъ. Вся исторія Ахеменидовъ полна возстаній, которыя поднимаются чуть ли не во всѣхъ областяхъ, а также возмущеній намѣстниковъ противъ центральной власти. Политическимъ тактомъ персы рѣшительно не могли похвалиться. Если держава тѣмъ не менѣе не распадалась въ теченіе 200 лѣтъ, то объясненія надо искать въ большомъ скопленіи на Иранѣ хорошо организованныхъ военныхъ элементовъ и въ умѣлой финансовой политикѣ, собиравшей съ подчиненныхъ средства для поддержанія военной громады, всегда готовой двинуться со своей горной позиціи.

Персы не внесли ничего оригинальнаго въ администрацію своей имперіи; они соединили различныя формы, которыя нашли у сосѣдей и подчиненныхъ: у грековъ и лидійцевъ—чеканъ монеты, въ Египтѣ—податное устройство и натуральныя поставки, у ассирянъ—систему военныхъ колоній и постройку государственныхъ дорогъ, у вавилонянъ—письменное дѣлопроизводство и контроль царскихъ посланцевъ. Въ персидскомъ управленіи поражаетъ соединеніе очень тонкихъ приѣмовъ развитой государственности съ формами и дѣйствіями крайне первобытными. Такъ, напр., подъ вліяніемъ Вавилона и Ассиріи все производство въ центральныхъ учрежденіяхъ старательно протоколировалось. Всѣ рѣшенія царя и его совѣта вписывались въ дневники или лѣтописи, которыя хранили въ сокровищницахъ трехъ столицъ: Сузы, Экбатаны и Вавилона. Въ сраженіи при царѣ состояли секретари, чтобы заносить въ списокъ «благодѣтелей», т.-е. государственныхъ пенсіонеровъ, имена людей отличившихся¹. Возможно, что отъ блистательныхъ имперій Двурѣчья, предшественницъ персидской, былъ заимствованъ не только обычай письменнаго производства, но и составъ чиновниковъ, обученныхъ искусству быстрого занесенія и копированія актовъ; персы не выставили никакихъ признаковъ оригинальнаго письма и, можетъ быть, пользовались чужими услугами въ этой области.

Другой замѣчательной чертой персидской администраціи было введеніе Даріемъ монетной системы и основаннаго на ней податнаго устройства.

Финансы персидскаго государства. До реформы Дарія, монета чеканилась на всемъ протяженіи огромнаго государства только въ Малой Азіи, въ области греческихъ городовъ и тѣсно къ нимъ примыкавшей Лидіи. Въ большомъ кругу обмѣна, который охватывалъ Египеть и Переднюю Азію, т.-е. Сирію и Двурѣчье, какъ мы видѣли, вовсе не было монеты, для оцѣнки товаровъ и для значительныхъ уплатъ примѣнялись куски драгоцѣннаго металла, которые при обмѣнѣ приходилось свѣшивать: они не имѣли государственнаго штемпеля.

Монетная реформа Дарія состояла во введеніи государственной золотой валюты. Царь отнялъ у подчиненныхъ общинъ и князей право золотого чекана и обратилъ его въ государственную регалию ². Новая общегосударственная монета, золотой дарейкъ, съ изображеніемъ царя на колѣняхъ, пускающаго стрѣлу, была приспособлена къ старой вавилонской вѣсовой системѣ, усвоенной уже за болѣе чѣмъ 100 лѣтъ лидійцами и греками; дарейкъ составлялъ $\frac{1}{3000}$ таланта (по нынѣшней вѣсовой цѣнѣ золота=11 рублей). Въ этой государственной монетѣ принимались всѣ уплаты въ казну и производились всѣ выдачи изъ казны.

Благодаря монетѣ, персы получили возможность систематически организовать податное устройство. Для каждой изъ 20 сатрапій, т.-е. большихъ намѣстничествъ, Дарій опредѣлилъ годовую сумму въ деньгахъ, которыя должны были платиться съ земли. Обложеніе основывалось на кадастрѣ, а правильная оцѣнка земли въ свою очередь была государственно-финансовымъ приѣмомъ, очень разработаннымъ у ассирійцевъ. Геродотъ передалъ размѣры взносовъ по отдѣльнымъ сатрапіямъ ³. Больше всего платили плотно населенныя западныя области: впереди всѣхъ стоитъ Вавилонія, несмотря на послѣдовательныя разоренія, все еще богатѣйшая область, со взносомъ 1000 серебряныхъ=100 золотыхъ таланта (около $3\frac{1}{2}$ милл. рублей по современной стоимости золота), затѣмъ Египеть съ Киреной, вносившіе 70 золотыхъ талантовъ (2 милл.). Слѣдующее мѣсто занимали небольшія по размѣрамъ, но зажиточныя торговыя области малоазійскаго побережья (греческія и ликійскія общины, Лидія съ Мизіей), платившія 50 талантовъ. Гораздо меньше платили слабо населенныя, низкокультурныя восточныя и сѣверныя области. вмѣстѣ со всѣхъ сатрапій, по Геродоту, шло въ казну 11.200 серебряныхъ или 1.120 золотыхъ талантовъ (около 36 милліоновъ рублей). Это очень большая сумма, если принять во вниманіе, что мы вынуждены дѣлать переводъ на современную вѣсовую стоимость золота, между тѣмъ какъ оно представляло несравненно большую покупательную цѣну въ то время.

Но одной этой цифры недостаточно, чтобы судить о тяжести обложения въ персидскомъ государствѣ. Дѣло въ томъ, что Геродотъ сообщаетъ лишь тѣ суммы, которыя шли прямо въ «царскую казну», только «чистый доходъ» царя. Онъ не могъ привести цифры, опредѣляющія содержаніе войсковыхъ частей, расположенныхъ по провинціямъ, затѣмъ содержаніе намѣстника съ его штатомъ. По всей вѣроятности, у намѣстниковъ были свои собственные кассы, и немалыя, если, напр., малоазійскіе сатрапы въ эпоху Пелопоннесской войны могли выплачивать субсидіи союзнымъ съ ними грекамъ. Далѣе у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы судить о количествѣ населенія, какъ во всемъ персидскомъ государствѣ, такъ и въ отдѣльныхъ областяхъ, и, слѣд., мы не имѣемъ дѣлителя, который позволилъ бы вывести, какъ частное, среднюю цифру обложения, приходившуюся на голову. Изъ разказовъ Геродота видно, что персы были чрезвычайно изобрѣтательны относительно всякихъ сборовъ пошлинъ, выкупныхъ суммъ и т. п. Между прочимъ въ одной изъ восточныхъ областей (около нынѣшней Хивы) была обширная хлѣбородная равнина, орошаемая пятью рукавами большой рѣки, которые прорываются изъ горъ пятью ущельями. Въ ущельяхъ издавна были сдѣланы шлюзы, заграждающіе пути водѣ; персы держали эти шлюзы на запорѣ; такъ какъ лѣтомъ въ странѣ нѣтъ дождей, то отъ загражденія воды ей грозитъ неурожай и голодъ. И вотъ каждый годъ все населеніе края направляется въ столицу, становится у воротъ дворца и поднимаетъ великій стонъ и плачъ. Послѣ этой драматической церемоніи царь велитъ, по мѣрѣ поступленія взносовъ, по очереди отпирать шлюзы тѣмъ, кому всего нужнѣе вода, и потомъ опять запираетъ ⁴.

На ряду съ искусной системой податного обложения, мы встрѣчаемъ необычайно первобытный бюджетъ расходовъ. Грековъ поражаало обиліе драгоцѣннаго металла въ царскихъ казнохранилищахъ. При ликвидаціи персидскаго наслѣдства Александръ Македонскій нашель въ Сузѣ почти 50.000 серебряныхъ талантовъ (около 170 милл. рублей), въ Персеполь—120.000 (болѣе 400 милл.), и это несмотря на то, что послѣдній царь персидскій, Дарій III, истратилъ въ войнѣ огромныя суммы и во время бѣгства своего на востокъ захватилъ изъ персидскихъ сокровищницъ много запаснаго золота. Масса стекавшагося изъ областей золота и серебра такъ и оставалась въ запасахъ мертвымъ капиталомъ. Геродотъ передаетъ характерную черту о способѣ храненія богатствъ ⁵. Царь приказываетъ растоплять металлъ и заливать его въ глиняные сосуды; когда сосудъ наполнится, глиняную оболочку разбиваютъ и снимаютъ. Если царю нужны деньги, онъ велитъ отколоть отъ слитковъ, сколько требуется. Страбонъ разказываетъ по

стариннымъ свѣдѣніямъ⁶, что каждый изъ царей строилъ себѣ въ замкѣ особый домъ и особую сокровищницу, въ которой хранились отчеты о полученныхъ имъ взносахъ. Золото и серебро большею частью были переработаны въ посуду, и лишь незначительная часть металла перечекаена въ деньги; въ видѣ вещей было удобнѣе хранить драгоценности, удобнѣе было въ нихъ дѣлать подарки.

Система денежныхъ сборовъ во всякомъ случаѣ перевѣшивала государственныя военныя потребности. Можно прибавить, что она не нужна была и для персидскаго двора, который въ обстановкѣ имперіи сохранилъ старинныя номадныя привычки и кочевалъ громаднымъ лагеремъ изъ одной столицы въ другую. Странствующему царскому поселку были гораздо нужнѣе денегъ натуральныя поставки. Геродотъ сообщаетъ и въ этомъ отношеніи любопытныя данныя. Горная Каппадокія (сѣверо-восточная часть Малой Азіи) ставила 1.500 лошадей, 2.000 муловъ, 50.000 овецъ; Лидія, такое же плоскогоріе, — вдвое больше. Въ сущности государственная монета проходила по верхамъ экономической жизни общества; весь ежедневный оборотъ совершался помимо государственной платежной единицы; всюду оставалась въ ходу мѣновая торговля, всюду преобладали натуральныя повинности. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда производились крупныя расчеты, при окончательной ликвидаціи въ купеческихъ отношеніяхъ или при выдачѣ изъ казны содержанія солдатамъ и чиновникамъ, вступало государственное золото въ качествѣ удобнѣйшей формы для перевоза барыша или для сбереженія.

Персидская администрація. Довольно первобытно было устроено и управленіе подчиненныхъ областей. Персидское правительство такъ же, какъ римское время республики, ограничивалось присылкой на мѣстника со штабомъ. Сатрапы (кшатрапаванъ) были или родственниками царя, или приближенными двора, и назначеніе было собственно формой награды, средствомъ кормленія. Сатрапъ не входилъ въ контроль мѣстнаго управленія, не назначалъ подчиненныхъ чиновниковъ. Персидскій администраторъ лишь оказывалъ свое давленіе на отношенія мѣстныхъ партій; напр., въ Иудеѣ давалось офиціально покровительство священнической іерархіи, которая управляла храмовымъ имуществомъ и должна была гарантировать спокойствіе населенія; въ греческихъ городахъ оказывалась поддержка тираннамъ, которые управляли уже въ качествѣ персидскихъ вассаловъ. Въ иныхъ областяхъ персы оставили мѣстныхъ старыхъ правителей, напр., въ Киликіи, гдѣ князь носилъ особый титулъ, по-гречески произносившійся Σθένιστις. Такимъ образомъ управленіе не требовало отъ персовъ никакихъ тратъ и усилій.

Къ намѣстникамъ царское правительство имѣло мало довѣрія. Одинъ изъ способовъ контроля состоялъ въ томъ, чтобы прислать къ заподозренному сатрапу его врага и претендента на то же мѣсто и дать послѣднему возможность расправиться съ конкурентомъ, или, въ лучшемъ случаѣ, выслать опальнаго ко двору. Правительство примѣняло еще другую форму надзора за чиновниками въ провинціяхъ, похожую на административные приемы поздней римской имперіи: дѣла управления раздѣлялись между двумя главными начальниками—военнымъ, который наблюдалъ, чтобы отряды были въ полномъ составѣ и боевой готовности, чтобы въ крѣпостяхъ имѣлось достаточно запасовъ, и гражданскимъ, который вѣдалъ общественныя работы, барщины земледѣльцевъ въ царскихъ имѣніяхъ и налоги; при этомъ оба администратора должны были зорко слѣдить другъ за другомъ и докладывать двору о замѣченныхъ въ чужой области неисправностяхъ и злоупотребленіяхъ ⁷.

Военное устройство персовъ. Наиболѣе сильной стороной персидской державы было ея войско, по крайней мѣрѣ, въ первое столѣтіе ея существованія, когда именно приходится бои съ греками. Повидимому, въ иранскомъ населеніи накопилось много военноспособныхъ и беспокойныхъ элементовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій отъ Кира до Ксеркса искали выхода въ завоеваніяхъ и военной колонизаціи. Цари держали большую армію при себѣ и размѣщали отряды по провинціямъ. Насколько значительны были эти мѣстные корпуса, можно судить по тому, что ихъ собирали на ежегодные смотры (по-гречески *σύλλογοι*), при чемъ провѣрку производилъ или самъ царь, или особые ревизоры. На смотръ должны были являться все воины данной области, кромѣ тѣхъ, которые безотлучно находились въ крѣпостяхъ. Подлежавшіе явкѣ на смотръ дѣлились въ свою очередь на два разряда: 1) солдатъ на жалованьи и 2) тѣхъ, которые были обязаны вооружаться на свой счетъ и пользовались лишь дополнительнымъ содержаніемъ. Надо предполагать, что вторая категория состояла изъ военныхъ поселенцевъ, испомѣщенныхъ земель. Объ устройствѣ нѣкоторыхъ военныхъ колоній мы знаемъ доподлинно. Напр., близъ Вавилона еще во времена Ксенофонта (около 400 г.) владѣли военными надѣлами потомки колонистовъ, посаженныхъ Киромъ (т.-е. за полтора вѣка до того) ⁸. Были около рѣки Галиса въ Малой Азіи военные поселенцы, владѣвшіе горными пастбищами; они первые поспѣли къ Сардамъ, захваченнымъ возставшими іонійскими греками ⁹. Когда при Даріи I началось покореніе Балканскаго полуострова, азиатскихъ воиновъ поселили во Фракіи; послѣ пораженія большого войска Ксеркса персидскіе отряды фракійскаго военной границы еще въ теченіе

многихъ лѣтъ упорно держались противъ грековъ; они бились, вѣроятно, за свои надѣлы, лежавшіе въ этомъ краю.

Войско составлялось далеко не изъ одной господствующей народности иранцевъ. Персы забрали всюду, гдѣ можно было, мѣстные военные элементы, сохранивши за ними характерное ихъ вооруженіе. Египтяне, вавилоняне, малоазійцы, сирійцы продолжаютъ биться въ панцыряхъ, закрываясь металлическими щитами, дѣйствуя копьемъ и мечомъ; ассирійцы попрежнему въ своихъ остроконечныхъ мѣдныхъ каскахъ. У персовъ, мидянъ и другихъ иранцевъ, составляющихъ главное ядро арміи, преобладаетъ конница и стрѣлки изъ лука, т.-е. тотъ видъ оружія, которому они обязаны были побѣдами въ Азіи. Нѣтъ основанія особенно низко цѣнить эту персидскую армію; для рукопашнаго боя иранцы были недостаточно вооружены, и отсюда ихъ неудачи противъ тяжело-вооруженныхъ гоплитовъ въ Греціи, гдѣ въ свою очередь конницѣ и стрѣлкамъ трудно было развернуться. Въ другихъ условіяхъ та же самая армія могла сладить съ греками, какъ, напр., въ 453 г. въ Египтѣ, гдѣ былъ уничтоженъ аѳинскій экспедиціонный отрядъ, помогавшій возстанію.

Персидская держава и малоазійскіе греки. Персы столкнулись съ греческимъ міромъ въ самомъ началѣ образованія великой державы. Еще до завоеванія Вавилона Киръ покорилъ лидійское царство (около 545 г.), а велѣдъ за этимъ потребовалъ подчиненія малоазійскихъ грековъ, которые состояли въ союзѣ съ Лидіей, или въ зависимости отъ нея. Самые богатые и населенные города берега и острововъ, іонійскіе, пытались образовать федерацію для совмѣстной борьбы¹⁰. Делегаты ихъ собрались на конгрессъ у Паніоніона, т.-е. общеіонійскаго храма Посейдона на мысѣ Микале, противъ о. Самоса. Здѣсь Біасъ изъ Пріены предложилъ выселиться всей Іоніей въ Италію (см. выше, стр. 16), а Фалесъ милетскій рекомендовалъ объединиться въ союзъ демократій (см. выше, стр. 165), но греки не успѣли организовать общее сопротивленіе, и персы быстро стали заирать одинъ за другимъ греческіе города; нѣкоторые были при этомъ въ конецъ разрушены, напр., Пріена. Многіе изъ іонійцевъ, жители Фокеи и Теоса, предпочли эмигрировать. Только Милетъ успѣлъ во-время заключить соглашеніе съ Киромъ, и за городомъ были оставлены права и положеніе, которое онъ занималъ при лидійскомъ господствѣ. Отъ остальныхъ персы потребовали поставки кораблей, вспомогательныхъ отрядовъ и уплаты дани. По своему обыкновенію, персы не вмѣшивались въ управленіе греческихъ городовъ; однако, они нашли выгоднымъ для себя всюду посадить тиранновъ, такъ какъ единоличнѣй правитель болѣе гарантировалъ повинновеніе гражданства, чѣмъ аристократіи или правленіе народа.

Не одни только греки оказались свободолюбивы; персидскій завоеватель встрѣтилъ храброе сопротивление у ихъ сосѣдей на юго-западномъ берегу Малой Азіи, у карійцевъ и ликійцевъ; жители Ксан-оа, главнаго города Ликіи, всё погибли въ борьбѣ геройской смертью. Очень трудно далось персамъ покореніе этого края, гораздо труднѣе, чѣмъ всё другія ихъ приобрѣтенія. Дарій образовалъ потомъ изъ западной окраины Малой Азіи двѣ сатрапіи: первую, которая охватывала Карію и греческіе города (по-персидски Яуна, т.-е. іонійцевъ), и вторую, заключавшую въ себѣ прежнее лидійское царство. Центръ второй сатрапіи, Сарды, получилъ очень важное значеніе въ государствѣ: намѣстникъ, находившійся здѣсь, большею частью имѣлъ верховное начальство надъ другими сосѣдними; въ качествѣ главнокомандующаго большой малоазійской арміи онъ носилъ особый титулъ, который греки произносили *κάρωνος*.

Съ этого времени персы широко пользовались военной повинностью грековъ. При завоеваніи Египта въ 525 г. съ моря оперировалъ флотъ, состоявшій изъ малоазійскихъ грековъ, кипріотовъ и финикійцевъ. Большія услуги царю Камбизу, завоевателю Египта, оказалъ уроженецъ Галикарнасса, Фанесъ, главный начальникъ греческихъ наемниковъ на службѣ Египта, передъ самой войной внезапно перешедшій на сторону персовъ. Вслѣдъ за покореніемъ Египта персы захватили сосѣднюю съ нимъ на западѣ африканскую греческую колонію Кирену. вмѣстѣ съ прежними завоеваніями персы владѣли теперь приблизительно $\frac{1}{4}$ греческой территоріи. Въ то же время персидское государство сдѣлалось морской державой; въ его распоряженіи былъ финикійскій и малоазійскій флотъ, что вмѣстѣ составляло богатую морскую силу. Въ руки персовъ перешла вся длинная береговая линія отъ Трапезунта въ восточной части Чернаго моря и до залива Сирта въ Африкѣ, т.-е. около $\frac{1}{3}$ всего протяженія береговъ Средиземнаго моря.

Персы надвигались на западъ безостановочно. Ко времени похода Дарія I на скивовъ въ подчиненіи у царя была Византія, а также оракійскій Херсонесъ; слѣд., персы уже перекинулись черезъ проливы въ Европу. Въ самой экспедиціи Дарія греки играли очень важную роль; уроженецъ Самоса Мандроклъ построилъ Дарію мостъ черезъ Дунай; обереганіе его было поручено греческимъ тираннамъ Геллеспонта и Малой Азіи, между прочимъ Гистіею милетскому и Мильтіаду, владѣтелю Херсонеса, принадлежавшему къ аонинскому роду Филаидовъ. Геродотъ рассказываетъ, что между греками, обязанными сторожить переправу, возникъ споръ; Мильтіадъ, будущій побѣдитель персовъ при Марафонѣ, предлагалъ сломать мостъ и погубить этимъ персидское войско. Гистіей же настоялъ на сохраненіи моста и спасъ Дарія ¹¹.

Персидскій царь узналъ объ измѣнническихъ замыслахъ среди подвластныхъ грековъ и жестоко расправился съ городами, лежавшими у проливовъ. Походъ на скивовъ, несмотря на неудачу, былъ поводомъ къ новымъ завоеваніямъ на западѣ. Персы захватили острова Лемносъ и Имбросъ, лежащіе противъ выхода изъ проливовъ. Мегабазъ, самый довѣренный изъ генераловъ Дарія, оставленный имъ во Фракіи, прошелъ вдоль берега до устья Хебра (нынѣшней Марицы), выстроилъ крѣпость въ Дорискѣ и подчинилъ приморскіе греческіе города. Македонскій царь, къ владѣніямъ котораго стали придвигаться персы, призналъ себя вассаломъ Дарія. Одновременно персы завладѣли Пангейскимъ горнымъ краемъ (около устья Стримона), который славился богатѣйшими золотыми и серебряными рудниками. Изъ своихъ европейскихъ владѣній они образовали новую, 21-ую сатрапію. Къ европейской военной границѣ персидскій царь двинулъ свои лучшія войска, подъ начальствомъ особыхъ командировъ, которыхъ Геродотъ называетъ *ἑπαρχοί*.

Греческій міръ по частямъ переходилъ къ восточному властелину: иранцы, казалось, шли неудержимо на захватъ юго-восточной Европы. Но они плохо знали свободолюбивое племя, населявшее берега Эгейскаго моря. Персы были увѣрены въ повиновеніи тѣхъ городовъ, гдѣ ими были посажены тиранны. Они рассчитывали подчинить себѣ европейскихъ грековъ при помощи бѣжавшихъ въ Азію эмигрантовъ, въ родѣ аонскаго тирана Гипсія. Они ошиблись даже относительно малоазійскихъ грековъ, пробывшихъ около полувѣка въ подчиненіи. Въ 500 или 499 г. внезапно началось возстаніе въ Іоніи.

Геродотъ—историкъ греко-персидскихъ войнъ. Войны съ европейскими греками, развившіяся изъ іонійскаго возстанія, имѣютъ своего лѣтописца, который родился незадолго до похода Ксеркса (484 г.?). Геродотъ пишетъ объ іонійскомъ возстаніи, пользуясь лѣтописью одного изъ участниковъ борьбы, историка (*λογοποιός*) Гекатея милетскаго. Можетъ быть, у этого патриота своего города Геродотъ перенялъ эпитетъ Милета—«перлъ Іоніи». Но въ изображеніи послѣдующихъ событій, разыгравшихся въ европейской Греціи (Мараѳонской битвы, похода Ксеркса), у Геродота не было предшественниковъ: онъ составилъ свой рассказъ, на основаніи устныхъ преданій, при чемъ старался разыскать и выспросить личныхъ свидѣтелей великихъ событій 490—479 гг.; затѣмъ онъ прочиталъ знаменитые документы эпохи (надпись въ честь еермопильскихъ бойцовъ, посвященіе добычи Дельфійскому храму и т. п.) и посѣтилъ мѣста, ознаменованныя важными происшествіями.

Для своего времени Геродотъ исполнилъ громадную работу, замѣ-

чательную по добросовѣстности и настойчивости въ собираніи матеріала и еще болѣе поразительную по искусству обработки разнообразныхъ и пестрыхъ данныхъ въ большое связанное цѣлое. Въ одномъ мѣстѣ своей исторіи¹², говоря о культурѣ Египта, онъ различаетъ два метода своей работы: 1) иное онъ пишетъ, пользуясь повѣствованіями (λόγοι) своихъ предшественниковъ, 2) другое на основаніи личныхъ наблюденій, разсужденій и изслѣдованій (ὄψις τε ἐμὴ καὶ γνῶμη καὶ ἱστορίη). Въ большей части своего труда Геродотъ работаетъ этимъ вторымъ методомъ, особенно тамъ, гдѣ онъ излагаетъ борьбу персовъ съ европейскими греками. Нельзя забывать то обстоятельство, что мы не имѣемъ другой картины греко-персидскихъ войнъ, кромѣ той, которая создана Геродотомъ. Въ ней немало недостатковъ, но, прежде чѣмъ говорить о слабыхъ сторонахъ его труда, надо напомнить, что онъ—рѣдкій мастеръ великолѣпнаго эпического разсказа, переливающегося яркими и наглядными подробностями, и въ то же время выдержаннаго по большимъ линіямъ цѣльнаго плана, а этотъ планъ составляетъ художественное изобрѣтеніе писателя. Близкая по времени къ историку борьба грековъ съ персами образуетъ въ его глазахъ только крупнѣйшій моментъ длинной цѣпи вѣковыхъ столкновеній Европы и Азии. Если угодно, это—цѣлая философія исторіи, впервые открывающаяся намъ у Геродота. Очень вѣроятно, что общая идея борьбы Запада и Востока бродила въ сознаніи греческаго общества, но Геродоту тѣмъ не менѣе принадлежитъ умѣніе претворить неясныя общія мысли въ плоть и кровь связаннаго, глубоко интереснаго изложенія.

Пристрастія и сознательныя цѣли Геродота не трудно замѣтить. Уроженецъ малоазійскаго Галикарнасса, дорійской колоніи, проникнутой іонійской культурой, Геродотъ мало симпатизируетъ своей полу-греческой, полувосточной родинѣ. Его не трогаетъ возстаніе іонійцевъ противъ персидскаго царя; не свободолюбіе видитъ онъ въ этомъ движеніи, а скорѣе соединеніе мелкихъ, низменныхъ мотивовъ, которые преобладали у тиранновъ и вообще среди руководящихъ слоевъ въ малоазійскихъ городахъ. Геродотъ выросъ въ эпоху великихъ успѣховъ Аѣинъ на морѣ, когда европейская республика сплотила почти всѣ побережья Эгейскаго моря въ большой союзъ и втянула въ кругъ своего вліянія всѣ дѣятельные элементы островныхъ и малоазійскихъ общинъ. Геродота увлекало обаяніе аѣинской жизни, и онъ охотно сталъ служить интересамъ Аѣинъ; есть извѣстіе, что Геродотъ получилъ по официальному предложенію нѣкоего Анита и на основаніи постановленія народа аѣинскаго большую сумму въ 10 талантовъ. Услуги Геродота, оказанныя Аѣинамъ, относятся къ эпохѣ преобладанія Перикла, и можно предполагать личную близость между историкомъ и ру-

ководящимъ политикомъ Аѳинъ. Геродотъ не забылъ прибавить къ исторіи Клеоена преданіе о вѣщемъ снѣ, который привидѣлся его племянницѣ, Агаристѣ, матери Перикла и женѣ Ксанѳиппа, во время ея беременности: ей снилось, что она родить льва. Геродотъ горячо привѣтствовалъ одно изъ созданій Перикловой политики на западѣ, именно основаніе общегреческой колоніи Оуріи въ южной Италиі; онъ успѣшилъ записаться въ число ея гражданъ. и назывался съ тѣхъ поръ Геродотъ Оурійскій. Мы не удивимся поэтому, что рассказъ Геродота о борьбѣ съ персами проникнутъ глубокимъ преклоненіемъ передъ за-слугами Аѳинъ: «Я вынужденъ высказать мнѣніе, которое, безъ сомнѣнія, большинству грековъ непріятно слышать, но такъ какъ я вижу въ немъ истину, я и не хочу скрывать его». Если бы аѳиняне побоялись надвинувшейся грозы и покинули свою страну или сдались Ксерксу, то не было бы и вообще никакой борьбы съ персами на морѣ. А изъ сопротивленія на сушѣ ничего не вышло бы; къ чему сооруженія стѣны на Истмѣ, которой придавали такое значеніе спартанцы, къ чему послужило бы геройство самихъ спартанцевъ! Они или погибли бы, или сдались, разъ царь господствовалъ надъ моремъ. «Поэтому правъ будетъ тотъ, кто аѳинянь назоветъ спасителями Эллады. Всѣ должны были склониться на ту сторону, куда стали они. Имъ принадлежитъ рѣшеніе биться за свободу Эллады; они пробудили энергію въ остальныхъ элинахъ, которые еще не успѣли перейти на сторону персовъ, и они, если не говорить о богахъ, своими силами отбили великаго царя. Ихъ не удержали грозныя предостереженія Дельфійскаго оракула, которыя должны были вызвать ужасъ, они не покинули Эллады, а остались, чтобы встрѣтить натискъ враговъ»¹³.

Геродотъ передаетъ аѳинскую версію побѣды надъ персами и высказываетъ очень несправедливое сужденіе объ остальныхъ грекахъ, выдержавшихъ грозную опасность Ксерксова нашествія. Онъ неправъ и во многихъ частностяхъ, напр., въ отношеніи Коринѳа, который геройски бился въ 480 году, а у Геродота представленъ общиной трусливой и нерѣшительной: дѣло въ томъ, что Геродотъ составлялъ главы о нашествіи Ксеркса и о Саламинской битвѣ въ то время, когда Коринѳъ, придавленный торговымъ развитіемъ Аѳинъ, жестоко поссорился съ великой морской республикой и для своего спасенія поднялъ противъ Аѳинъ Педопоннесскую войну. Несправедливъ Геродотъ также и въ отношеніи нѣкоторыхъ дѣятелей эпохи національной войны, напр.,Themistocles, заслугъ котораго въ созданіи аѳинскаго могущества онъ не хочетъ признавать: здѣсь сказывается опять близость историка къ Алкмеонидамъ, наслѣдникомъ которыхъ былъ Периклъ: въ свое время Алкмеониды жестоко враждовали съ Themistoclesомъ, и въ традиціяхъ

рода осталась зависть и недоброжелательство къ основателю морской державы Аѳинъ, хотя Периклъ въ сущности продолжалъ его политику.

Геродотъ не былъ, впрочемъ, безусловнымъ и слѣпымъ поклонникомъ аѳинской политической системы. Онъ явно не одобрялъ стремленія Аѳинъ къ насильственному объединенію Греціи, и вся эта борьба за власть между главными общинами Греціи была ему непривлекательна. Вотъ замѣчаніе его по поводу землетрясенія на о. Делосѣ, происшедшаго въ 490 году во время нападенія Датиса на Эвбею и Аттику: «по словамъ делійцевъ, это землетрясеніе было первое на ихъ островѣ и послѣднее, вплоть до моего времени. И, конечно, это было знаменіе, которымъ Богъ хотѣлъ возвѣстить людямъ грядущія бѣдствія; вѣдь при Даріи, сынѣ Гистаспа, его сынѣ Ксерксѣ и его внукѣ Артаксерксѣ, въ эпоху этихъ трехъ поколѣній на Элладу обрушилось больше бѣды, чѣмъ въ теченіе 20 поколѣній, предшествовавшихъ Дарію, и притомъ бѣды, созданной какъ персами, такъ и тѣми главными державами, которыя воевали между собой изъ-за власти (*κορυφαίων περι τῆς ἀρχῆς πολεμούντων*)»¹⁴.

Помимо этого несочувствія принудительному объединенію, въ воззрѣніяхъ Геродота можно отмѣтить еще одну симпатичную черту. При всемъ своемъ увлеченіи дѣяніями грековъ и ихъ характеромъ онъ далекъ отъ націонализма. Нигдѣ у Геродота нѣтъ ничего похожего на слѣпая, догматически звучащая утвержденія слѣдующаго вѣка о превосходствѣ греческой культуры надъ варварами. Плутархъ не даромъ зоветъ его *φιλοβάρβαρος*, варварофиломъ. Побывавши въ Египтѣ, Финикіи, Палестинѣ, Аравіи, Вавилонѣ, у Чернаго моря, Геродотъ замѣтилъ, насколько болѣе старинна культура многихъ странъ сравнительно съ Греціей. Онъ безъ колебанія указываетъ на техническія и научныя заимствованія, сдѣланныя греками у египтянъ и вавилонянъ; больше того, онъ склоненъ думать, что Египетъ со своей вѣковой мудростью составляетъ источникъ вѣрованій и сказаній, распространенныхъ въ Греціи. Геродотъ не устаетъ рассказывать объ этой странѣ чудесъ; онъ побывалъ во всѣхъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ Египта, въ городахъ Дельты, въ Мемфисѣ, въ оазѣ Файюмѣ, ѣздилъ вверхъ по Нилу; не зная языка, онъ старался при посредствѣ переводчиковъ и туземныхъ греческихъ колонистовъ получить объясненіе выдающихся памятниковъ, узнать о праздникахъ, обрядахъ и обычаяхъ, понять технику обработки страны и т. п. Въ особенности его интересовали взгляды и толкованія египетскихъ священниковъ, которыхъ онъ считалъ хранителями многихъ тайнъ, еще не раскрытыхъ грекамъ.

Ионійское возстаніе. По Геродоту возстаніе малоазійскихъ грековъ составляло собственно результатъ междуусобій колониальныхъ общинъ,

вѣчно соорившихся другъ съ другомъ. На островѣ Наксосѣ народъ изгналъ состоятельныхъ людей, и они нашли себѣ пріютъ у тиранна милетскаго Аристагора, ставленника персовъ и родственника Гистіея, который жилъ при дворѣ въ Сузѣ. Аристагоръ возымѣлъ планъ завоевать богатый островъ при помощи персовъ. Онъ отправился въ Сарды къ сатрапу малоазійской провинці Артаферну, брату царя Дарія; самъ царь одобрилъ предпріятіе, въ которомъ Аристагору, впрочемъ, пришлось играть подчиненную роль. Большой персидскій флотъ въ 200 кораблей двинулся къ Наксосу, но потерпѣлъ здѣсь полную неудачу. Аристагоръ испугался за послѣдствія своего несчастливаго совѣта и рѣшилъ искать спасенія въ возстаніи противъ персовъ.

Средство къ объединенію іонійцевъ онъ нашелъ въ политической революціи. Аристагоръ сложилъ съ себя власть и объявилъ Милеть демократической республикой (*ισονομία*) ¹⁵; точно такъ же и другимъ городамъ онъ помогъ скинуть тиранновъ, которые всѣ были вассалами персовъ. Та легкость, съ которой тираннъ обратился въ демагога, показываетъ, что онъ въ сущности демагогомъ былъ съ самаго начала. Іонійскія демократіи представляли собой еще очень слабыя, несамостоятельныя организаціи; народъ шелъ пассивно за своими вождями. Такой, вѣроятно, надо себѣ вообразить и аѣинскую республику времени Писистратидовъ. Іонійцы рѣшили отложиться отъ персовъ и обратились за поддержкой къ метрополи. Спарта, первенствующая община тогдашней Греціи, отказала; аѣиняне прислали на помощь своимъ единоплеменникамъ 20 кораблей; по всей вѣроятности, это было дѣломъ партіи параліевъ, враждебной политикѣ Клисѣена. «Эти корабли были началомъ всѣхъ золъ для грековъ, какъ и для варваровъ», говоритъ Геродотъ ¹⁶, не сочувствующій возстанію іонійцевъ, потому что отъ него, какъ ему кажется, пошли безконечныя войны, раздрающія Грецію вплоть до его времени.

Вмѣстѣ съ аѣинянами іонійцы успѣли проникнуть до Сардъ и сожгли этотъ городъ. Персы, впрочемъ, быстро отгѣснили нападеніе; аѣиняне вернулись домой и не принимали участія въ дальнѣйшемъ ходѣ возстанія, къ которому примкнула Византія, Кипръ и карійцы. Съ перемѣннымъ успѣхомъ война тянулась нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, персы собрали большія сухопутныя и морскія силы и напали на центръ движенія, Милеть. Въ виду крайней опасности іонійцы вернулись къ проекту Фалеса образовать большую федерацію и отправили делегатовъ (*προβούλους*) на конгрессъ въ Паніоніонъ. Общимъ совѣтомъ рѣшено было выписать военные корабли отъ всѣхъ общинъ; но въ стратегическомъ отношеніи не было никакого единства дѣйствій. Нѣкто Діонисій, командиръ маленькой эскадры фокейцевъ, попробовалъ

уиражнять союзниковъ въ маневрированіи на морѣ; но скоро онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе экипажа кораблей, выставленныхъ другими, болѣе крупными общинами. Такъ подошелъ моментъ рѣшительнаго столкновения, которое произошло при островкѣ Ладе, близъ милетской гавани (495 г.). Персы имѣли большой численный перевѣсъ (по Геродоту, 600 триеръ, т.-е. трехпалубныхъ кораблей противъ 353); у возставшихъ не было общей команды, во время самой битвы измѣнила эскадра съ о. Самоса. Греческій флотъ потерпѣлъ жестокое поражение; послѣ этого персы осадили главный очагъ возстанія, Милетъ. Геродотъ рассказываетъ съ увлеченіемъ о томъ, какъ спасся отъ гибели при Ладе героическій морякъ Діонисій, превратившійся затѣмъ въ легендарнаго разбойника: со своими тремя кораблями онъ захватилъ нѣсколько вражескихъ, кинулся въ Финикію, потопилъ массу купеческихъ судовъ и, захвативъ съ нихъ добычу, утвердился на берегу Сициліи; отсюда онъ выѣзжалъ на морскіе грабежи, но будто бы никогда не трогалъ грековъ, а всюду крушилъ только иноплеменниковъ, карагенягъ и этрусковъ¹⁷.

Взятіе Милета сопровождалось полнымъ разгромомъ на восточный манеръ: городъ разрушили и сожгли до тла, женщинъ и дѣтей продали въ рабство; плѣнныхъ милетцевъ отвели въ глубину Азіи и поселили въ качествѣ крѣпостныхъ около Сузы. Всюду, въ другихъ городахъ, въ Каріи, на островахъ расправа съ возставшими была очень жестокая. Край разорили въ конецъ. Очень любопытны мѣры, которыя были приняты потомъ персами для восстановленія порядка и упроченія казенныхъ доходовъ въ разоренной ими же странѣ. Сатрапъ Артафернъ вызвалъ къ себѣ делегатовъ отъ іонійскихъ городовъ и потребовалъ отъ нихъ прекращенія взаимныхъ усобицъ; они должны были уговориться относительно поддержанія порядка общими силами. Такимъ образомъ персы выступили инициаторами объединенія, которое не могли осуществить іонійскія общины въ эпоху своей самостоятельности. Затѣмъ сатрапъ произвелъ измѣреніе земли; сообразно земельной описи были установлены налоги, и Геродотъ увѣряетъ, что Артафернова расцѣнка и система податей сохранилась вплоть до его времени (т.-е. съ конца 90-хъ до 30-хъ годовъ V вѣка). Другой персидскій администраторъ, Мардоній, близкій родственникъ царя Дарія, отгнѣнилъ въ іонійскихъ городахъ тиранию и ввелъ всюду демократію. По этому поводу Геродотъ напоминаетъ о своемъ болѣе раннемъ разсказѣ, гдѣ передавалось, что среди персовъ есть сторонники демократической республики, и прибавляетъ: «опять многіе греки мнѣ не повѣряютъ»¹⁸. Политика Мардонія вызывала, очевидно, нѣкоторое изумленіе среди грековъ. Вѣроятно, она объясняется тѣмъ, что демократіи въ ослаблен-

ныхъ общинахъ казались персамъ менѣе опасными, чѣмъ тираны; «республика—гарантія мира»,—вотъ заключеніе, къ которому пришелъ персидскій администраторъ, правда, одинъ изъ самыхъ способныхъ. Перемѣна, которую онъ произвелъ въ устройствѣ іонійскихъ городовъ, показываетъ, что персы начали внимательно присматриваться къ греческимъ порядкамъ и что они могли искусно воспользоваться внутренними факторами, дѣйствовавшими въ греческихъ общинахъ. Тѣмъ опаснѣе было положеніе европейскихъ грековъ, среди которыхъ имѣлось не меньше трений и соперничества, чѣмъ въ Іоніи.

Подготовка перваго похода на Грецію. Мардоній, главный направитель завоевательной политики персовъ, повелъ энергически свой планъ нападенія на европейскихъ грековъ въ 492 г. Онъ долженъ былъ пройти черезъ Фракію и Македонію въ Грецію, при поддержкѣ флота, который слѣдовалъ вдоль береговъ. Но персидскій флотъ потерпѣлъ крушеніе около мыса Аэона, и Мардоній долженъ былъ вернуться назадъ. Персидскій царь мало, повидимому, смущенный этой неудачей, измѣнилъ планъ дѣйствій и сталъ готовить походъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Всѣмъ приморскимъ городамъ персидской державы было предписано снарядить военные корабли и держать наготовѣ транспортныя суда для перевозки кавалеріи. Флотъ долженъ былъ собраться у киликійскаго берега и принять на палубу сухопутное войско. Отъ труднаго и длиннаго пути вдоль берега Фракіи и Македоніи персы рѣшили отказаться; ихъ цѣль была теперь въ томъ, чтобы проѣхать прямо поперекъ Эгейскаго моря, минуя опасный Аэонскій мысъ, напасть на Эретрію и Аэины, имѣвшія дерзость помогать іонійцамъ, и этимъ способомъ занять прочное положеніе въ самомъ центрѣ Греціи.

Въ началѣ 491 года Дарій разослалъ по всей Греціи вѣстниковъ съ требованіемъ земли и воды въ знакъ покорности. Почти всѣ острова, вообще незащищенные отъ нападенія съ моря, и многія сухопутныя общины поспѣшили признать верховенство великаго царя. Среди тѣхъ, кто выразилъ покорность, была Эгина, въ то время первая морская сила Греціи. Страхъ грековъ былъ весьма понятенъ: на глазахъ у всѣхъ царь велѣлъ разгромить, послѣ неудачи Мардонія, общину золотопромышленнаго острова Эасоса, потребовавши у нея выдачи всѣхъ кораблей и разрушенія городскихъ стѣнъ. Въ этотъ моментъ должно было обнаружиться, въ какой мѣрѣ Греція представляла національное единство и насколько элементы единенія среди европейскихъ грековъ могли повліять на устройство реального союза противъ персидскаго нашествія.

Национальныя учрежденія грековъ. Дельфы. Къ началу V вѣка у грековъ было очень ясное національное самосознаніе. Они отдѣляли

себя отъ другихъ народовъ въ качествѣ эллиновъ и выработали для отдѣльныхъ племенъ генеалогическое древо, въ которомъ всѣ народныя группы возводились къ единому родоначальнику Эллину, сыну Девкаліона, отца возрожденнаго послѣ потопа человечества. Въ распространеніи идеи эллинства сыгралъ извѣстную роль Дельфійскій храмъ, обладавшій самымъ знаменитымъ въ Греціи оракуломъ (между прочимъ, Геродотъ по поводу присылки Крезомъ посольства въ Дельфы перечисляетъ другіе извѣстные оракулы въ Греціи: въ мѣстечкѣ Абы, недалеко отъ Дельфъ, въ эпирской Додонѣ, затѣмъ оракулы Амфіараа и Трофонія въ Пелопоннесѣ и, наконецъ, оракулъ Бранхидовъ, около Милета) ¹⁹.

Судьба Дельфійскаго храма Аполлона связана съ развитіемъ своеобразнаго учрежденія, *пилейско-дельфійской амфиктіоніи* ²⁰. Первоначально амфиктіонія была союзомъ лишь мелкихъ эссалійскихъ и среднегреческихъ племенъ, которыя группировались около важнѣйшаго въ Греціи Термопильскаго прохода; священнымъ мѣстомъ, гдѣ происходили празднества и собирались делегаты отъ союзныхъ племенъ, была Аноэла у Термопилъ; составлявшіе союзный совѣтъ делегаты носили характерное названіе пилаторовъ, т.-е. охранителей вратъ. Вѣроятно, старинная администрація была союзомъ горцевъ, охранявшихъ свои селенія и желавшихъ эксплуатировать въ свою пользу движеніе по единственному проходу, который соединялъ сѣверную и среднюю Грецію. Они принимали рядъ взаимныхъ обязательствъ, сводившихся къ тому, чтобы смягчать усобицы и не доводить ихъ до полнаго истребленія побѣжденнаго противника. Въ извѣстный трудно опредѣлимый моментъ подъ покровительство союза горныхъ племенъ сталъ Дельфійскій храмъ, расположенный на выходѣ горныхъ дорогъ, идущихъ отъ Термопилъ къ Коринескому заливу. У амфиктіоніи были важныя основанія въ пользу принятія Дельфъ: богомолья къ храму увеличивали сборы, которые взымались горцами съ проходившихъ по ихъ дорогамъ путниковъ. Совѣтъ пилаторовъ сталъ собираться дважды въ году, весной и осенью, въ двухъ мѣстахъ, кромѣ Аноэлы, еще въ Дельфахъ; учрежденныя близъ храма пилейскія игры быстро приобрѣли популярность по всей Греціи. Къ обязательствамъ, которыя принимали члены союза, прибавилось новое условіе: соблюдать миръ во время празднествъ въ Дельфахъ и признавать неприкосновенность направляющихся къ храму богомольцевъ. Это установленіе «божьяго мира» оплачивалось даяніями и взносами въ амфиктіонію кліентовъ и почитателей Дельфійскаго храма, а ихъ масса непрерывно возрастала.

Со вступленіемъ Дельфъ характеръ амфиктіоніи сталъ измѣняться. Жреческая коллегія, заправлявшая дѣлами оракула и святилища, по-

вела очень искусную политику. Распространяя въ Греціи культъ Аполлона, она сумѣла заинтересовать въ судьбѣ храма очень далекіе круги, и аѳинянь, и Сикіонъ, и Эвбею, и Аргось, и, что было особенно важно, спартанцевъ. Опираясь на этихъ союзниковъ, Дельфы въ такъ называемой первой священной войнѣ (современной Солону аѳинскому) освободились отъ подчиненія сильной Крисѣ, на территоріи которой помѣстился храмъ; больше того, почитатели и союзники Дельфъ разгромили Крису и стерли ее съ лица земли. Въ благодарность за эту услугу Дельфы приняли защитниковъ въ составъ амфиктіоніи въ качествѣ новыхъ членовъ. Это расширеніе амфиктіоніи было проведено въ странныхъ архаическихъ формахъ. Количество номинальныхъ членовъ не должно было превышать священнаго, разъ установленнаго въ древности числа 12. Для того, чтобы включить всѣхъ союзниковъ, пришлось произвести разныя хитрыя группировки; священническая коллегія при этомъ оперировала не реальными политическими единицами, а примѣняла заглошшія полумифическія обозначенія племень, такъ что, напр., Аѳины и Спарта выступали подъ именемъ іонійцевъ и дорянъ. Въ свою очередь члены амфиктіоніи дѣлѣяли отношенія къ Дельфамъ. Аѳиняне старательно поддерживали большую дорогу, которая изъ Атики вела къ храму Аполлона Пнойскаго, Πυθιάς ἱδός. Гавань Кирра у Коринѳскаго залива, мѣсто высадки богомольцевъ, направлявшихся въ Дельфы, была объявлена свободнымъ портомъ: съ прїѣзжихъ не взимали никакихъ таможенныхъ или иныхъ сборовъ.

Въ своемъ расширенномъ видѣ пилейско-дельфійская амфиктіонія не измѣнила своей задачи: она попрежнему только служила охранѣ національнаго святилища, но не сдѣлалась національнымъ союзомъ; она не устранила усобицъ между отдѣльными членами, даже не пыталась выдвинуть что-нибудь похожее на третейскій судъ въ случаѣ столкновеній между ними. Амфиктіонія не создавала въ Греціи ни федераціи, хотя бы въ очень слабомъ видѣ, ни даже новаго международнаго права. Совѣтъ амфиктіоніи не могъ принимать никакихъ рѣшеній, обязательныхъ для отдѣльныхъ членовъ, кромѣ только того, что касалось имущества храма, празднества и т. д. Его политическая компетенція, насколько можно вообще говорить о таковой, скорѣе сократилась; если для учредителей-горцевъ имѣла значеніе защита близкаго имъ всѣмъ горнаго прохода, то теперь эта цѣль отступила на задній планъ, такъ какъ далеко живущіе новые сочлены вовсе не были въ ней заинтересованы.

Дельфы, можно бы сказать, взяли очень много отъ національной идеи и національнаго чувства, но ничего не дали націонализму. Умная и политичная коллегія, заправлявшая святилищемъ, крайне интере-

совалась ви́шними и внутренними дѣлами греческихъ общинъ. Геродотовское изложеніе прямо пестритъ фактами обращенія отдѣльныхъ городовъ къ дельфійской прорицательницѣ Пивіи, и притомъ по вопросамъ политическимъ: вести ли войну съ такимъ-то врагомъ, какъ обезпечить побѣду, правильны ли такіе-то законы или реформы; правительства искали въ Дельфахъ узаконенія или одобренія. Кажется, что ко времени персидскаго нашествія политической авторитетъ Дельфъ достигъ высшей точки. Но какого рода были совѣты, исходившіе отъ Дельфъ? Очень многіе отвѣты, особенно при столкновеніяхъ общинъ, намѣренно уклончивы или двусмысленны. Гдѣ Дельфы не были прямо заинтересованы, оракулъ старался не подвергать риску довѣріе къ своимъ предсказаніямъ. Иногда, впрочемъ, вопрошателей разбирало нетерпѣніе, и они выбирали въ совѣтѣ Пивіи только то, что имъ подходило. Когда у аонянъ возникло рѣзкое столкновеніе съ Эгиной, они спросили въ Дельфахъ, что дѣлать. Пришелъ такой совѣтъ: посвятите участокъ герою Эаку и выждите, не войите въ теченіе 30 лѣтъ. Аоняне посвятили участокъ Эаку, но не стали ждать 30 лѣтъ, а немедленно начали войну съ Эгиной ²¹. Другіе отвѣты опредѣленно пристрастны и давали поэтому обиженной или отстраненной партіи основаніе говорить о подкупности Пивіи. Особенно благоволила жреческая коллегія Спартѣ. Она охотно одобряла внутреннія мѣры спартанскаго правительства, а также предпріятія иностранной его политики. Ни одно законодательство въ Греціи не получило такого блистательнаго утвержденія, какъ Ликургово устройство. Въ войнѣ спартацевъ съ Тегеей оракулъ довелъ свое пособничество Спартѣ до того, что посоветовалъ похитить съ вражеской территоріи останки героя Ореста, которые должны были обезпечить побѣду ²². Но мы не знаемъ ни одного совѣта Дельфъ, который былъ бы направленъ къ сплоченію грековъ, къ выработкѣ общественной организаціи. Во время великой національной опасности въ 481 году оракулъ растерялся и совѣтовалъ грекамъ покориться завоевателю.

Олимпійскія игры. Другое учрежденіе, связанное съ національной идеей грековъ, олимпійскія празднества, также ничего не давало въ смыслѣ реального укрѣпленія связей между отдѣльными общинами. И здѣсь, какъ въ пивіискихъ играхъ, религіозно-административная коллегія ограничивалась объявленіемъ божьяго мира, т.-е. остановки усобицъ во время празднествъ и обѣщаніемъ неприкосновенности для богомольцевъ, отправлявшихся въ Олимпію. Но роль олимпійскихъ собраний, несмотря на громкое названіе ихъ руководителей, *ἐλλανοδίται*, была еще болѣе ничтожна, чѣмъ Дельфійской амфиктіоніи или самихъ Дельфъ. Собранія происходили въ большіе промежутки, разъ въ 4

года; комиссиі делегатовъ отъ общинъ Греціи при нихъ не было. Олимпійскія празднества совершались на территоріи союзника Спарты, элейцевъ, близко къ Спартѣ и подъ ея постояннымъ давленіемъ или наблюденіемъ; они служили, такимъ образомъ, односторонней политикѣ.

Вообще идейныя и религіозныя связи, выражавшіяся въ общихъ паломничествахъ, въ стеченіи разноплеменныхъ лицъ на большія празднества, въ нѣкоторыхъ понятіяхъ общеэллинскаго права (*κοινὰ τῶν Ἑλλήνων νόμιμα*) не создавали вовсе реальной основы для общей защиты территоріи отъ нападена вѣшняго врага, для образованія національной федераціи грековъ. Въ моментъ великаго столкновенія съ персами, все зависѣло отъ соотношеній свѣтскихъ, чисто-политическихъ силъ.

Спарта въ началѣ V вѣка. Крупнѣйшимъ соединеніемъ греческихъ общинъ къ 500 г. былъ Пелопоннесскій союзъ со Спартой во главѣ; но при попыткѣ распространить свое вліяніе на Среднюю Грецію онъ встрѣтился съ организаціей Аттики. На первый взглядъ могло казаться, что персидская политика извлечетъ выгоду изъ этого ясно намѣчавшагося соперничества двухъ сильнѣйшихъ общинъ Греціи. Персы могли разсчитывать также на рядъ второстепенныхъ общинъ, такъ или иначе враждовавшихъ со Спартой или Аѣинами. Внутренняя исторія Аѣинъ и Спарты въ первое десятилѣтіе V вѣка намъ мало извѣстна, чуть ли не меньше, чѣмъ послѣднія десятилѣтія VI вѣка; но то, что мы знаемъ, ясно показываетъ, что обѣ главныя общины Греціи были ослаблены внутренними волненіями.

Царь Клеомень, безпокойный умъ Спарты, предпринялъ рѣшительный походъ на Аргось (495 г.). Онъ выписалъ морскія эскадры Сикіона и Эгины, на союзныхъ корабляхъ обогнулъ Арголиду и высадился съ сѣверной стороны Аргоса. Вышедшее ему навстрѣчу аргивское ополченіе сначала потерпѣло неудачу въ битвѣ, а потомъ, загнанное въ священную рощу, которую спартанцы подожгли, погибло цѣликомъ въ количествѣ 6000 человекъ. Послѣ этого выдающагося успѣха Клеомень, однако, не взялъ Аргоса, какъ этого ожидали, а распустилъ свое войско и вернулся домой. Его обвинили въ подкупѣ; другой царь, Демарать, съ которымъ Клеомень былъ въ ссорѣ еще со времени аѣинскаго похода, настаивалъ на осужденіи своего коллеги, но Клеомену удалось контръ-интригой добиться смѣщенія Демарата и доставить царское достоинство своему преданному стороннику Леотихиду. Демарать скоро бѣжалъ изъ Спарты и, послѣ разныхъ приключеній, окольными путями пріѣхалъ ко двору персидскаго царя Дарія. Великій царь принялъ бѣглеца очень милостиво и назначилъ ему со-

держаніе въ видѣ дохода съ трехъ городовъ; Демаратъ потомъ принималъ участіе въ походѣ Ксеркса.

Разладъ въ Спартѣ на этомъ не остановился. Сторонники изгнаннаго Демарата стали вскрывать неблаговидные приемы, къ которымъ прибѣгъ Клеоменъ для сверженія соперника, и Клеоменъ нашелъ болѣе безопаснымъ для себя скрыться бѣгствомъ. Онъ отправился въ Аркадію и сталъ подстрекать горцевъ къ отпаденію отъ Спарты. Эмигрантская политика Клеомена создала необычайное безпокойство правящимъ кругамъ въ Спартѣ. Повидимому, боялись общаго движенія подчиненныхъ классовъ во всемъ Пелопоннесѣ и въ особенности возстанія гелотовъ въ Лаконіи и Мессеніи. Эти страхи были такъ велики, что безпокойному царю готовы были простить все его прегрѣшенія и цѣной любыхъ уступокъ водворить его опять въ Спартѣ.

Аѣины въ 90-хъ годахъ V вѣка. Большая вражда партій наблюдается въ это время и въ Аѣинахъ. По всемъ видимостямъ, Писистратиды, часть которыхъ осталась въ Атикѣ, опять получили большое вліяніе въ городѣ; въ 495 г. одинъ изъ нихъ прошелъ въ архонты. Вѣроятно, они свергли господство Алкмеонидовъ (личной судьбы Клисѣена и времени его смерти мы не знаемъ). Писистратиды клонили къ примиренію съ персами, больше того, они шли во главѣ персофильской партіи, на которую и рассчитывалъ восточный завоеватель, собиравшійся водворить Гипсію въ Аѣинахъ. Какъ держали себя Алкмеониды въ отношеніи къ персамъ, мы уже видѣли; при нападеніи персовъ въ 490 г. Алкмеониды находились въ сильномъ подозрѣніи измѣны. Наслѣдники Клисѣена, повидимому, совершенно запутались въ своей политикѣ. Но уже во время іонійскаго мятежа успѣла себя заявить партія національная, настаивавшая на рѣшительномъ выступленіи противъ персовъ: она добилась отправки эскадры на помощь возстанію. Въ 493 г. былъ выбранъ главнымъ архонтомъ вождь воинственныхъ националистовъ, Фемистоклъ, наиболѣе оригинальный и смѣлый политикъ и организаторъ Аѣинъ. Его вліяніе замѣтно, прежде всего, въ сооруженіи новой гавани Пирея взамѣнъ стараго открытаго рейда Фалера. Пирей расположенъ въ глубокой закрытой бухтѣ; только въ такой гавани могли помѣщаться крупныя военныя корабли, для которыхъ требовалось къ тому же устройство доковъ и арсеналовъ. Съ тѣмъ же моментомъ совпадаетъ постановка знаменитой политической трагедіи Фривиха «Взятіе Милета». Пьеса изображала только что совершившуюся въ Азіи печальную катастрофу іонійскаго возстанія, которому аѣиняне оказали слишкомъ слабую поддержку. Въ трагедіи заключался тяжелый упрекъ народу, и поэтому она вызвала такое волненіе среди публики, что поэта присудили къ большому штрафу за

нарушеніе праздничнаго настроенія и оскорбленіе бога. Драматургъ былъ, вѣроятно, своего рода союзникомъThemistocles въ пропагандѣ морскихъ сооруженій.

ЗадачаThemistocles была очень трудна. Дѣло шло о крупной пере-мѣнѣ въишней политики Аѳинъ и въ связи съ этимъ о новомъ рас-пре-дѣленіи повинностей. Военная служба въ гоппитскомъ ополченіи со-ставляла натуральную поставку со стороны гражданъ. Созданіе фло-та и морскихъ сооруженій предполагало образованіе бюджета и, слѣд., ту или иную форму обложения, а къ этому виду повинностей грече-ское гражданство было очень чувствительно. Реформа военной оборо-ны, замышлявшаясяThemistoclesомъ, имѣла также политическую сторону. Устройство большого флота неизбежно должно было повести къ уси-ленію паралии, прибрежнаго портоваго населенія, занятаго въ торго-влѣ и мореходствѣ, и выдвинуть тотъ классъ, который называли потомъ *ναυτικός ὄχλος*, корабельной чернью. Такое возвышеніе паралии не могло не беспокоить сельскіе классы, поставленные на первое мѣсто клисееновской конституціей. Ихъ вождемъ выступилъ Аристидъ, съ этого момента постоянный противникъThemistoclesа.

На первыхъ порахъThemistocles потерпѣлъ неудачу, тѣмъ болѣе, что гоппитство Атики получило новаго выдающагося вождя. Въ годъ его архонтства въ Аѳины прибылъ одинъ изъ крупнѣйшихъ магнатовъ Атики, Мильтиадъ (младшій) изъ рода Филаидовъ. Фамилія эта, какъ мы видѣли, составила себѣ во второй половинѣ VI вѣка княжеское положеніе въ предѣлахъ общины. Въ качествѣ владѣтеля Херео-неса у Геллеспонта Мильтиадъ состоялъ вассаломъ персидскаго царя, служилъ Дарію въ его походѣ на скиѳовъ, но не поладилъ въ концѣ-концовъ съ персами. Онъ явился въ Аѳины съ большой свитой, съ наемнымъ отрядомъ въ 500 человекъ, со всѣми приемами владѣтель-ной особы. Такое поведеніе Мильтиада открыло возможность обвинить его въ тиранническихъ замыслахъ; вѣроятно, въ числѣ враговъ Миль-тиада былъ иThemistocles, потому что появленіе лица со столь влія-тельнымъ положеніемъ опрокидывало его собственную политическую карьеру. Мильтиадъ оправдался отъ обвиненій, и во время нападенія персовъ въ 490 г. мы видимъ его въ качествѣ руководителя аѳинской политики.

Не будь внутреннихъ затрудненій въ Спартѣ и Аѳинахъ, эти об-щины ни за что не сблизились бы между собой въ 490 году. Теперь же произошло нѣчто неожиданное. Сторонники войны въ Аѳинахъ при-несли Спартѣ жалобу на эгинетовъ, обвиняя ихъ въ измѣнѣ общегре-ческому дѣлу. Спартанцы захватили нѣсколько вліятельныхъ людей Эгины и отдали ихъ въ качествѣ заложниковъ аѳинянамъ. Такимъ

образомъ, спартапцы пожертвовали однимъ изъ членовъ своего собственнаго пелопоннесскаго союза, оказывая вмѣстѣ съ тѣмъ существенную услугу Аѳинамъ; въ теченіе 15 лѣтъ тянулася вражда Аѳинъ и Эгинны, морская община маленькаго острова напала на беззащитные берега Аттики, и аѳиняне были безсильны противъ этихъ набѣговъ; теперь они держали Эгину въ своихъ рукахъ.

Нападеніе персовъ на Эвбею и Аттику. При такомъ положеніи вещей въ Греціи произошло первое нападеніе персовъ. Дарій, недвольный Мардоніемъ, удалилъ его отъ должности главнаго начальника и поставилъ во главѣ большого транспортнаго флота въ 600 кораблей Датиса, а къ нему прикомандировалъ еще своего племянника Артаферна; съ экспедиціей вмѣстѣ поѣхалъ старикъ Гиппій. Дарій двинулся отъ острова Самоса, поперекъ Эгейскаго моря, захватилъ островъ Наксосъ и для того, чтобы привлечь симпатіи іонійцевъ, принесъ богатые жертвы греческимъ божествамъ на островѣ Делосѣ. Затѣмъ персы высадились на Эвбеѣ и осадили большой городъ Эретрію. Аѳиняне предполагали сначала двинуть Эретрію на помощь клеруховъ, занимавшихъ участки пососѣдству на халкидской землѣ; но колонисты, ссылаясь на то, что въ Эретріи есть партія, готовая передать городъ персамъ, покинули Эвбею и поспѣшили присоединиться къ общему ополченію Аттики. Геродотъ признается, что паника въ Греціи передъ восточнымъ завоевателемъ была жестокая ²³.

Событія развертывались чрезвычайно быстро. Персы взяли Эретрію благодаря измѣнѣ и разрушили городъ. Затѣмъ сухопутное войско переправилось черезъ проливъ въ сѣверную Аттику, при чемъ высадкой руководилъ Гиппій; по его же указанію была выбрана Мараѳонская равнина, гдѣ могла развернуться конница, самый блестящій видъ персидскаго оружія. Аѳиняне послали спѣшнаго гонца въ Спарту за помощью; характерно для греческихъ путей и средствъ сообщенія, что гонецъ, Фидиппидъ, имя котораго перешло даже въ исторію—такъ имъ гордилась традиція,—былъ не всадникъ, а скороходъ; онъ уже на второй день прибылъ въ Спарту (разстояніе между Аѳинами и Спартой болѣе 200 верстъ). Спартапцы стали собирать ополченіе, но не поспѣли во-время; аѳинянамъ пришлось сражаться однимъ, при содѣйствіи лишь 1000 ополченцевъ пограничнаго съ Аттикой беотійскаго города Платей; платейцы присоединились къ Аѳинамъ потому, что въ случаѣ побѣды персовъ имъ грозила участь быть выданными головою Оивамъ.

Мараѳонская битва. Въ обстоятельствахъ знаменитой битвы при Мараѳонѣ (въ сентябрѣ или октябрѣ 490 года) много неяснаго, и рассказъ Геродота ²⁴ не даетъ возможности хорошо въ нихъ разобраться.

Большее всего представляется непонятным то, что историкъ передаетъ о коллегіи 10 стратеговъ. Мильтіадъ, одинъ изъ десяти, среди которыхъ команда переходила ежедневно по очереди, не можетъ добиться нужнаго большинства, чтобы былъ принятъ его планъ нападенія на персовъ; тайно онъ склоняетъ на свою сторону архонта полемарха Каллимаха, находящагося при войскѣ и подающаго голосъ на совѣщаніи въ качествѣ одиннадцатаго. Когда въ новомъ собраніи стратеги принимаютъ планъ Мильтіада, онъ совсѣмъ не спѣшитъ съ исполненіемъ, напротивъ, дожидается очереднаго дня своего командованія, хотя всѣ другіе уступаютъ ему каждый свою очередь. Получается нѣчто совершенно невозможное: персы стоятъ неподвижно ровно столько дней, сколько нужно для того, чтобы аѳинскіе стратеги могли проявить свои рыцарскія чувства. Разсказъ Геродота показываетъ, что въ Аѳинахъ ему могли передать лишь нѣсколько анекдотовъ о Марафонской битвѣ, но уже не представляли себѣ ясно организаціи военныхъ властей въ ту эпоху.

Надо думать, что во время Марафонской битвы въ коллегіи стратеговъ едва ли имѣлось то равенство между отдѣльными командирами и та очередь командованій, которую изображаетъ Геродотъ. Повидимому, Мильтіадъ пользовался рѣшительнымъ авторитетомъ передъ другими; можетъ быть, онъ уже имѣлъ то положеніе, которое обозначалось впоследствии титуломъ *στρατηγὸς ἀποκράτωρ* и приблизительно соотвѣтствуетъ римской диктатурѣ. Все поведеніе аѳинянъ при Марафонѣ и послѣ этой битвы свидѣтельствуетъ о большомъ единствѣ въ замыслахъ и дѣйствіяхъ.

Вѣроятно, Мильтіадъ въ моментъ нашествія персовъ былъ особенно популяренъ среди ополченія аѳинскихъ гоплитовъ. Если представить себѣ въ Аѳинахъ большую военную сходку, то здѣсь Мильтіадъ легко склонилъ мнѣніе въ пользу своего плана: не ждать врага позади аѳинскихъ стѣнъ, а выйти ему навстрѣчу, загоразивая пути къ городу. Аѳинское войско остановилось на высотахъ, господствующихъ надъ Марафонской равниной. Нѣсколько дней прошло во взаимномъ ожиданіи: греки не хотѣли спускаться въ равнину, чтобы не быть атакованными конницей, персы не рѣшались штурмовать позиціи грековъ на холмахъ. Неясно, что заставило персовъ напасть на аѳинское ополченіе: можетъ быть, слухъ о приближеніи спартанцевъ. Непонятно также, гдѣ была во время битвы персидская конница. Мильтіадъ вытянулъ греческую линію для того, чтобы обогнуть персовъ съ фланговъ; онъ далъ врагу прорвать свой центръ и разбилъ его патискомъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Аѳиняне преслѣдовали персовъ до кораблей и даже пытались помѣшать посадкѣ солдатъ на суда.

Датисъ сдѣлалъ еще попытку обогнуть на корабляхъ Аттигу и напасть съ юга на незащищенные Аѳины; съ одной изъ высотъ какіе-то измѣнники сигнализировали персамъ посредствомъ блестящаго щита; впоследствии говорили, что не безъ участія въ этихъ темныхъ дѣлахъ были Алкмеониды. Но Мильтіадъ предупредилъ планъ Датиса и успѣлъ отвести своихъ гоплитовъ назадъ къ Аѳинамъ; персы доѣхали до гавани Фалера, но, увидавши своихъ побѣдителей, отказались отъ нападенія на Аѳины, и на этомъ кончилась экспедиція.

Геродотъ говоритъ о Мараѳонской битвѣ: «аѳиняне, схватившись въ рукопашной съ варварами, бились достойно удивленія. Вѣдь они первые среди эллиновъ, сколько мы знаемъ, напали на врага бѣговымъ натискомъ (δρόμῳ), первые выдержали видъ мидійскаго вооруженія и людей, одѣтыхъ по-мидійски, а до тѣхъ поръ одно имя мидянъ вызывало ужасъ среди эллиновъ» (Μῆδοι: называлась у грековъ персидско-азиатская сила вообще). Геродотъ очень хорошо передалъ моральное впечатлѣніе Мараѳонской побѣды: аѳиняне первые не убоились персовъ и сумѣли показать превосходство греческаго оружія надъ азіатскимъ. Но съ военной точки зрѣнія сужденіе Геродота неудовлетворительно. Его рассказъ о томъ, что аѳиняне пробѣжали 8 стадій, которыя отдѣляли ихъ отъ врага, и, не останавливаясь, напали на персовъ, невозможно принять: на что были бы похожи запыхавшіеся солдаты въ своихъ тяжелыхъ доспѣхахъ, добѣжавшіе до линіи непріятеля разстроенными рядами? Подобный пріемъ составлялъ бы нарушеніе основного правила боя гоплитовъ, вѣдрявшагося не только спартанцамъ, но и всѣмъ другимъ греческимъ ополченцамъ: стоять и двигаться тѣсно сомкнутымъ строемъ. Вѣдь принципъ неразрывности фаланги считался настолько важнымъ, что вошелъ даже въ клятву аѳинскаго гражданина: «не покину сосѣда по строю (τὸν παραστάτην), съ которымъ мнѣ вмѣстѣ идти».

Весь интересъ Мараѳонской битвы заключается въ томъ, что Мильтіадъ сумѣлъ впервые использовать перевѣсъ грековъ въ бою на близкомъ разстояніи. Греческіе гоплиты, латники и копейщики, превосходили вооруженіемъ иранскія и месопотамскія войска, которыя состояли, главнымъ образомъ, изъ стрѣлковъ и конницы. Но въ тактикѣ гоплитовъ былъ свой недостатокъ. Тяжелую фалангу грековъ было трудно обойти въ открытомъ мѣстѣ, и тогда она становилась безпомощной; персы поэтому искали по возможности равнинъ и старались выманить къ нимъ греческіе отряды. Искусство Мильтіада сказалось въ томъ, что онъ не дался на маневръ персовъ. Его фаланга стояла въ оборонительномъ положеніи у тѣснаго выхода, примыкая боками къ высотамъ; когда потерявшій терпѣніе врагъ бросился на нее, фа-

ланга сдѣлала навстрѣчу короткій разбѣгъ (вотъ и весь *δρόμος*, восхваленный у Геродота) и обрушилась на персовъ всей силой своихъ несокрушимыхъ рядовъ. Мильтіадъ примѣнилъ тактику единственно правильную при пользованіи стѣною желѣзныхъ неповоротливыхъ воиновъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно приспособленную къ естественнымъ условіямъ страны. Онъ открылъ въ Греціи настоящій національный способъ веденія войны.

Персы и Греція послѣ похода 490 года. Марафонская битва была крупнымъ пораженіемъ персовъ. Руководители персидской политики, самъ старшій царь Дарій и его сотрудники, Мардоній, Артабанъ и др., окружавшіе потомъ его преемника Ксеркса, хорошо поняли, съ какимъ упорнымъ и опаснымъ врагомъ они имѣють дѣло. Они пришли къ заключенію, что необходимо вооружить всѣ силы державы, чтобы совладать съ Греціей. Вооруженія персовъ затанулись, тѣмъ болѣе, что имъ пришлось встрѣтиться съ большимъ возстаніемъ въ Египтѣ. Дарій сосредоточилъ все вниманіе свое на подавленіи мятежа въ богатѣйшей провинціи имперіи и прекратилъ всякія предпріятія въ области Эгейскаго моря. Послѣ его смерти въ 485 г., сынъ его, Ксерксъ, рѣшилъ одновременно повести войну на обоихъ флангахъ, но въ подготовкѣ новой европейской экспедиціи прошло еще четыре года.

Въ какой мѣрѣ приготовились греки за это время къ неминуемому новому нашествію? Въ Спартѣ внутреннія смуты крайне ослабили политическую предпринимчивость, общины «равныхъ». Замѣнившіе Демарата и Клеомена цари Леотихидъ и Леонидъ были люди малоподвижные и недаровитые. Въ Аѣнахъ, казалось, гораздо больше энергій. Герой Марафона, Мильтіадъ, приобрѣлъ вліяніе неограниченное. Онъ предложилъ снарядить флотилію въ 70 кораблей, дать ему солдатъ и денегъ. Не указывая цѣли своей экспедиціи, онъ только обѣщаль «доставить аѣнянамъ величайшія богатства, если они за нимъ послѣдуютъ, такъ какъ онъ поведетъ ихъ въ страну, гдѣ они легко добудутъ себѣ массу золота». Со своей эскадрой Мильтіадъ напалъ на островъ Паросъ и потребовалъ съ него контрибуцію въ 100 талантовъ. Паросцы отказали, и Мильтіадъ началъ осаду укрѣпленнаго города. Не добившись ничего, самъ раненый, онъ вернулся домой. Послѣдовала жестокая перемѣна въ настроеніи народа, которой воспользовались политическіе враги Мильтіада; его обвинили «въ обманѣ народа», а во главѣ обвинителей выступилъ Ксаноншъ, женатый на племянницѣ Клеомена Агаристъ, т. е. родственникъ и сторонникъ Алкмеонидовъ. Для рода Алкмеонидовъ, заподозрѣннаго во время кампаніи 490 года, теперь открылся случай поправить свою репутацію нападеніемъ на новаго тирана Аѣншъ. Противники добивались осужденія

Мильтіада на смерть; но судьи ограничились наложеніемъ большого штрафа, выплаченнаго потомъ сыномъ Мильтіада, Кимономъ. Самъ Мильтіадъ, котораго принесли въ судъ на носилкахъ разбитымъ, скончался отъ своей раны.

Вся исторія похода и процесса Мильтіада очень характерна для аѳинянъ. Мы уже тутъ видимъ ихъ бурный, переменчивый нравъ, ихъ способность внезапно переходить отъ неограниченнаго слѣпого довѣрія къ жестокой расправѣ надъ недавнимъ идоломъ и любимцемъ при первой же его неудачѣ—качество, которое дѣлало такой тяжелой, нерѣдко глубоко-трагичной судьбу тѣхъ, кто служилъ этому народу. Но въ исторіи Мильтіада открывается еще другая темная черта аѳинянъ. Онъ взялъ ихъ картиной эльдорадо, которое имъ предстоитъ завоевать. Возможно, что Мильтіадъ, увлекая аѳинянъ добычей золота, ставилъ своей конечной цѣлью захватъ рудниковъ на островѣ Эасосѣ и особенно въ Пангейской горѣ, лежащей противъ Эасоса на берегу Эракіи. Именно въ эту пору въ Пангеѣ были открыты богатѣйшія залежи драгоцѣннаго металла, и около рѣдкостной мѣстности такъ и кружили разные авантюристы, въ родѣ Гистіея и Аристагора, а также персидскіе командиры, особенно Мардоній. Мильтіаду показался очень удобнымъ моментъ послѣ разгрома персидской эскадры, чтобы пробить аѳинянамъ путь къ золотому краю, а Паросъ долженъ былъ дать средства для организаціи завоеванія.

Вѣрна или нѣтъ догадка относительно Пангея²⁵, но во всякомъ случаѣ ясно настроеніе аѳинянъ: герои освободительной борьбы на другой день послѣ славной побѣды совершаютъ грабительскій набѣгъ. Впослѣдствіи, въ эпоху великой морской державы, Аѳины не задумывались разорять подчиненные имъ города тяжелыми поборами; къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, что въ этой чертѣ отразилась лишь позднѣйшая порча, и что Аѳины были въ какую-то раннюю пору свободны отъ недостатка капиталистической жадности и склонности къ вымогательству. У этого даровитаго народца все идетъ вмѣстѣ: изобрѣтательность, гибкость, энергія, безстрашіе паразительныя, и рядомъ съ этимъ авантюризмъ, жажда господства надъ другими и неприкрытая погоня за денежнымъ богатствомъ. Или иначе, согласно характеристикѣ Фукидида, аѳиняне рождены были для того, чтобы ни себѣ, ни другимъ не давать покоя.

Борьба партій въ Аѳинахъ и возникновеніе военнаго флота. Послѣ смерти Мильтіада борьба партій не стихаетъ, а еще обостряется. Это видно изъ ряда остракизмовъ, которые никогда не были такъ часты, какъ въ этотъ промежутокъ времени²⁶. Одинъ за другимъ подверглись изгнанію сначала Писистратидъ Гиппархъ, потомъ одинъ изъ

Алкмеонидовъ и слѣдомъ за нимъ близкій къ Алкмеонидамъ Ксанѣиппъ; наконецъ, нѣсколько времени спустя, Аристидъ, дѣятель, также выдвинувшійся въ союзѣ съ Алкмеонидами. Если присоединить сюда паденіе Филаидовъ въ лицѣ Мильтіада, то окажется, что въ короткій промежутокъ разрушилось вліяніе трехъ крупныхъ родовъ въ Атикѣ, еще сохранившихъ свое значеніе отъ предшествующаго періода господства аристократіи и правившихъ городомъ по очереди отъ 600 до 483 года. Вѣроятно, всякій разъ, вплоть до послѣдняго остракизма, Аристидова, составлялась коалиція, которая низвергала партію, оставшуюся въ одиночествѣ. Судя по конечному результату, торжествуThemistocle, онъ участвовалъ во всѣхъ коалиціяхъ. Подъ конецъ остались двѣ рѣзко очерченныя партіи, представленныя Аристидомъ и Themistocle. Отношенія между ними были необычайно обострены: Аристидъ признался однажды, послѣ ожесточенныхъ дебатовъ въ экклесіи, что для народа нѣтъ другого спасенія, какъ бросить ихъ обоихъ съ Themistocle въ баратронъ, пропасть, куда кидаютъ злодѣевъ и преступниковъ²⁷.

Программу Themistocle мы хорошо знаемъ изъ послѣдующихъ событій: онъ добивался морского вооруженія Атики, образованія большого морского корпуса, въ который, какъ можно было ожидать, устремятся неимущіе классы, особенно безземельные люди, и въ качествѣ необходимой основы крупнаго военнаго флота—образованія бюджета, постоянной государственной кассы. Вѣроятно, послѣдній пунктъ вызывалъ болѣе всего возраженій въ средѣ садоводовъ, хлѣбопашцевъ, а также ремесленниковъ Атики; людямъ достатка приходилось платить прямой налогъ, а собранныя суммы должны были пойти на содержаніе неимущихъ, нанятыхъ на государственную службу. Притомъ военный флотъ представлялся еще довольно сомнительнымъ средствомъ обороны, тогда какъ сухопутное гоплитское ополченіе, вооружаемое безъ государственныхъ тратъ и безъ отягощенія страны налогами, показало себя испытанной великолѣпной силой. По этимъ возраженіямъ можно представить себѣ программу Аристида: продолжая политику Клисѣена, онъ защищалъ интересы педіеевъ и діакріевъ противъ паралин.

Хотя мы и согласимся съ Фукидидомъ признать гениальную прозорливость Themistocle, однако ясно также, что онъ никогда не добился бы цѣли, если бы не два случайныхъ обстоятельства: открытіе новыхъ серебряныхъ рудниковъ въ Атикѣ, которое доставило афинянамъ бюджетъ помимо необходимости отягощать гражданство налогами, и двукратное жестокое разореніе Атики персами (въ 480 и 479 гг.), которое обезсилило массу сельскаго населенія и силою вещей заставило ее броситься на морскія предпріятія и корабельную службу. Первое

изъ этихъ событій относится къ 483 году. Аѳиняне обладали въ Лаврійской горѣ на крайней юго-восточной оконечности Аттики серебряной рудой, которая издавна разрабатывалась. Изъ лаврійскаго серебра чеканилась монета, которая имѣла довольно широкое распространѣнiе въ Греціи и создавала аѳинянамъ большую покупательную силу. Въ исторіи лаврійскихъ рудниковъ данный моментъ представляетъ нѣчто выдающееся. Въ мѣстности, называвшейся Маронеей, были открыты новыя жилы, исключительно богатая серебромъ²⁸. Впечатлѣніе въ Аѳинахъ отъ огромной добычи серебра было какое-то особенное, ослѣпляющее. О немъ можно судить по характеристикѣ аѳинянъ въ «Персахъ» Эсхила, гдѣ совершенно неожиданно въ патетическую картину врывается матеріалистичный стихъ. Персидская царица-мать Атосса, дожидаясь возвращенія сына Ксеркса и встревоженная мрачнымъ сномъ-предчувствіемъ, спрашиваетъ старцевъ: «Гдѣ, скажите, лежитъ городъ Аѳины?»—«Далеко на западѣ, гдѣ заходитъ вечерняя заря».—«Зачѣмъ же сыну моему нужно завладѣть этимъ городомъ?»—«Тогда вся Эллада подчинится царю».—«Развѣ такъ много воиновъ у этого народа?»—«Да, вѣдь ихъ-то войско и создало столько несчастія людямъ!»—«Но скажите, что еще есть въ этомъ краю? Много богатства?»—«Серебро течетъ въ горныхъ жилахъ, вотъ сокровище этой страны»²⁹. Доходъ казны, получавшійся изъ арендныхъ взносовъ пользователейъ рудниковыми участками, сразу необычайно возросъ. По старинному обычаю, чрезвычайный излишекъ полученій подлежалъ раздачѣ между гражданами. НоThemistocle склонилъ народъ не раздроблять этой суммы, а употребить ее цѣликомъ на постройку военныхъ кораблей.

Предлогомъ для военно-морской реформы послужила необходимость покончить затянувшуюся войну съ маленькой Эгиной, которая до тѣхъ поръ имѣла безусловный перевѣсъ на морѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ открылась возможность въ бояхъ съ Эгиной дать аѳинскому флоту школу упражненій. Въ 480 году, при столкновеніи съ персами, Аѳины представляютъ морскую силу, первую по величинѣ и по искусству маневрированія.

Въ какой моментъ произошло изгнаніе Аристиды, который болѣе всего долженъ былъ противиться бюджетной и морской реформѣ, трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, въ 481 г., когда заключался союзъ между Аѳинами и Спартою, и въ 480 г., во время рѣшительныхъ дѣйствій противъ персовъ, Themistocle управлялъ дѣлами неограниченно безъ соперниковъ. Сближеніе со Спартою было также его дѣломъ. Вожди сельской Аттики, гордой своимъ ополченіемъ, несогласны были вступать въ пелопоннескій союзъ; они считали Аѳины равносильными Спартѣ, поэтому дружба со Спартою у нихъ не налаживалась. Для Themistocle

стокла вопросъ стоялъ иначе. Вооруженная на морѣ Атика пока нигдѣ не сталкивалась со Спартой, напротивъ, онѣ служили отличнымъ дополненіемъ другъ къ другу. Въ случаѣ новаго нападенія персовъ они могли дѣйствовать въ двухъ разныхъ областяхъ. Въ планѣ защиты Ѳемистокла былъ, впрочемъ, одинъ недостатокъ, общій всѣмъ греческимъ политикамъ того времени. На сушѣ ровно ничего не дѣлалось для цѣлей обороны. У пелопоннесцевъ упорно засѣла мысль, что они загородятся на Истмѣ и укроются въ своихъ горныхъ котловинахъ; изъ общинъ Средней Греціи только Атика не собиралась сдаваться персамъ, но и здѣсь былъ собственно готовъ только планъ всенароднаго бѣгства и выселенія на корабляхъ на случай новаго и болѣе страшнаго нашествія.

Походъ Ксеркса. Греки проявили, въ десятилѣтіе между Мараономъ и Фермопилами, поразительную безпечность. Тѣмъ болѣе грозной представляется надвигавшаяся на независимую Грецію опасность. При персидскомъ дворѣ собралась вліятельная партія съ Мардоніемъ во главѣ, которая настаивала на большой экспедиціи; видное мѣсто въ ней занимали греческіе эмигранты, Писистратиды, Демарать и др., надѣявшіеся при помощи персовъ вернуть себѣ власть на родинѣ. У Писистратидовъ былъ въ Сузѣ своеобразный агитаторъ: ихъ придворный поэтъ Ономакрить, собиратель старинныхъ изреченій и пророчествъ, старался попадаться какъ можно чаще на глаза Ксерксу и занимать великаго царя предсказаніями, будто бы извлеченными изъ древнихъ авторовъ, то касательно наведенія моста черезъ Геллеспонтъ, то другихъ частныхъ похода; все, что въ греческихъ стихахъ было непочтительнаго въ отношеніи варваровъ, Ономакрить благоразумно обходилъ молчаніемъ³⁰. Были также прямые призывы, исходившіе отъ европейскихъ грековъ. Правящая династія Алевадовъ въ Ѳессалійской Лариссѣ разсчитывала съ помощью персовъ завладѣть всею Ѳессаліей; послы Алевадовъ въ Сузѣ вели себя такъ, какъ будто они представляютъ всю Ѳессалію, и Ксерксъ остался въ убѣжденіи, что вся эта богатая и обширная страна готова ему подчиниться.

Вѣроятно, по предложенію Мардонія, было рѣшено возобновить планъ похода 492 года, переправить армию черезъ Геллеспонтъ и двинуть ее по Фракіи, Македоніи и Ѳессаліи, между тѣмъ, какъ военный и транспортный флотъ пойдутъ вдоль береговъ; чтобы не подвергать корабли опасности объѣзда кругомъ бурнаго мыса Аона, начали копать каналъ черезъ перешеекъ, соединяющій полуостровъ Акте съ материкомъ. Геродотъ находитъ, что въ этой работѣ не было нужды: перешеекъ настолько узокъ и поверхность его такъ равна, что вполне возможно было бы перетянуть черезъ него корабли; заставляя рыть

землю у Аэона, персидскій царь руководился только чванствомъ и желаніемъ оставить потомству памятникъ ³¹. Каналъ былъ оконченъ черезъ три года; тѣмъ временемъ подвозили матеріаль для наведенія мостовъ черезъ Геллеспонтъ и большія рѣки Эракіи. Въ различныхъ пунктахъ Эракіи и Македоніи были устроены огромные магазины, въ которые свозили провіантъ для арміи, большія партіи скота и кормъ для транспортныхъ животныхъ обоза. Всѣ сатрапы старались наперерывъ доставить наилучше вооруженные отряды, чтобы заслужить награды, обѣщанныя царемъ. Геродотъ подробно рассказываетъ о крупныхъ земляныхъ, строительныхъ и перевозочныхъ работахъ, исполненныхъ по требованію царя. Его видимо поражаетъ необычайное роскошество издержекъ, на которое совершенно неспособны были греки по отсутствію финансовыхъ средствъ и раздробленности своей кантональной жизни.

Для того, чтобы начать походъ со свѣжими силами весной намѣченнаго (480) года, отдѣльные отряды изъ различныхъ областей уже съ лѣта предшествующаго года стали направляться къ Криталлъ въ Каппадокіи, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ. Сюда прибылъ самъ Ксерксъ; во главѣ арміи онъ двинулся въ Сарды и здѣсь провелъ зиму. Затѣмъ начался переходъ черезъ Геллеспонтъ.

Въ традиціи о великомъ нашествіи Ксеркса установилось представленіе, будто небольшая кучка грековъ сражалась противъ громадныхъ полчищъ азіатовъ. Основаніе для этого преувеличенія далъ Геродотъ своими непомѣрными цифрами; по его исчисленію контингентовъ персидской арміи и всѣхъ сопровождавшихъ ее людей выходитъ, что однихъ воиновъ было 1.700.000, а всего съ обозомъ, матросами, слугами, женщинами и т. д. на Грецію надвигалось 5 милліоновъ ³². Серьезно разбираться въ этихъ невѣроятныхъ цифрахъ, конечно, нѣтъ нужды. Достаточно указать на слѣдующій недосмотръ Геродота. Послѣ морскаго пораженія при Саламинѣ Ксерксъ, покидая лично Грецію, оставляетъ тамъ армію Мардонія въ 300.000 человекъ. Объ отправкѣ въ Азію остальныхъ корпусовъ ничего не упоминается. Слѣд., согласно Геродоту, армія Мардонія и есть главная масса персидскаго войска, приведенная Ксерксомъ въ Грецію. Куда же дѣвались 1.400.000 человекъ? Собственно говоря, даже и та цифра, которую Геродотъ даетъ для арміи Мардонія, слишкомъ велика. Трудно представить себѣ, какъ подобное количество людей могло бы умѣститься въ скудномъ и тѣсно ограниченномъ краѣ европейской Греціи.

Новѣйшая критика въ своемъ скептицизмѣ ударила въ противоположную крайность. Нѣкоторые ученые исходятъ изъ предположенія, что количественно персидское и греческое войско были при-

близительно равны; затѣмъ уменьшаютъ количество греческихъ ополченцевъ; Греція будто бы не могла выставить болѣе 40.000 хорошо вооруженныхъ солдатъ. Наконецъ, допуская, что у персовъ было больше обозныхъ, слугъ и т. д., общую массу азіатовъ принимаютъ въ 60 или 70 тысячъ³³. Трудно согласиться въ свою очередь съ такимъ преуменьшеніемъ. Если бы количество нападающихъ азіатовъ было равно оборонѣ грековъ, въ Греціи не получалось бы такой паники. Равенство силъ, можетъ быть, имѣлось въ первой войнѣ, при Марафонѣ. Тогдашній опытъ, вѣроятно, убѣдилъ персовъ, что при равныхъ количествахъ греки сильнѣе, и царское правительство рѣшило перебросить въ Европу армію, значительно болѣе численную; не даромъ же персы готовились къ новой войнѣ 10 лѣтъ. Если допустить, что Ксерксъ переправилъ черезъ Геллеспонтъ 150.000 человекъ, это войско все же будетъ крупнѣйшей сухопутной арміей древности. Не всѣ корпуса двинутаго въ Европу войска дошли до Греціи, надо предполагать, что цѣлый рядъ гарнизоновъ былъ оставленъ во Фракіи и Македоніи для того, чтобы беречь сообщенія съ Азіей. Очень велико было также число военныхъ кораблей персидскаго флота, поставленныхъ финикійцами, кипріотами, киликійцами, малоазійскими и островными греками; по Эхилу (въ трагедіи «Персы») оно равнялось тысячѣ. Круглая цифра похожа нѣсколько на поэтическое преувеличеніе. Но если принять во вниманіе, что греки сумѣли собрать около 300—400 триеръ и все-таки боялись численнаго перевѣса непріятеля, то можно допустить, что персидскихъ кораблей было 500—600. На судахъ, кромѣ собственно морского экипажа, была многочисленная пѣхота копейщиковъ и стрѣлковъ. Если считать приблизительно по 200 человекъ на корабль (обычный составъ на греческой военной триерѣ), то получится опять очень большая цифра въ 100—120 тысячъ солдатъ.

Итого Ксерксъ направилъ изъ Азіи 250—270 тысячъ человекъ однихъ воителей, не считая массы нестроевыхъ, значить, въ цѣломъ болѣе 400.000 человекъ. Если принять во вниманіе состояніе дорогъ и перевозочныхъ средствъ того времени, предпріятіе персидскаго царя придется признать изумительнымъ по широтѣ замысла и энергіи выполнения. Другого равнаго ему не знаетъ древняя исторія: даже римской имперіи, превосходившей ресурсами государство Ахеменидовъ, никогда не удавалось собрать такую военную массу.

Федерация грековъ въ борьбѣ за независимость. Положеніе грековъ въ 481 году было очень невыгодно. Дипломатія персовъ достигла одного важнаго успѣха: они заключили противъ грековъ союзъ съ Карфагеномъ. Греческая нація была чрезвычайно раздроблена; инныя колоніи, напр., италійскія или Массалія въ южной Галліи, отстояли такъ

далеко от метрополии, что не могли принять участие въ борьбѣ и даже мало были въ ней заинтересованы. Только одно сравнительно крупное греческое государство, основанное въ Сициліи сиракузскимъ тиранномъ Гелонемъ, могло помочь балканскимъ грекамъ. Именно, для того, чтобы устранить участие наиболѣе значительной силы колониальной Греціи, персы направили противъ нея постоянного соперника сицилійскихъ грековъ, Каррагенъ. Гелонъ, занятый борьбой съ каррагенянами, не могъ оказать никакой помощи грекамъ. Греческій міръ подвергся нападенію съ двухъ концовъ.

Въ метрополии наблюдалась крайняя разрозненность какъ между отдѣльными общинами, такъ и между классами внутри общинъ. Близкіе сосѣди находились въ рѣзкомъ конфликтѣ: Спарта съ Аргосомъ, Аѣны съ Эгиной, беотійскіе города Феспіи и Платеи съ Фивами. Въ иныхъ городахъ правящей группѣ грозила революція, и аристократія готова была искать поддержки у національнаго врага. У персовъ было множество сторонниковъ и открытыхъ, и тайныхъ, которые скоро обнаружались. Фессалия, Фивы и Аргосъ сначала остались только нейтральными; съ приходомъ персовъ первыя двѣ области присоединились къ врагу. Аргосъ не могъ сдѣлать то же самое лишь потому, что былъ окруженъ патріотически настроенными общинами. По словамъ Геродота, «одни выразили полную покорность персамъ и рассчитывали, что имъ вреда не будетъ отъ варваровъ; другіе хотя и не сдались, но находились въ большомъ страхѣ, во-первыхъ, потому, что, по ихъ мнѣнію, у грековъ флотъ былъ меньше и корабли были хуже, во-вторыхъ, потому, что большинство отступалось отъ войны и съ полной готовностью примыкало къ азіатамъ» (*μηδὲ ζῶντες προθύμως*)³⁴. Богатая община острова Коркиры, обѣщавшая крупную морскую помощь національному союзу, въ рѣшительную минуту задержала свои корабли: коркирейцы были увѣрены, что грековъ постигнетъ катастрофа. Въ сущности и Гелонъ сиракузскій занялъ выжидательное положеніе. Онъ отправилъ къ Дельфамъ своего довѣреннаго Кадма съ тремя большими кораблями и поручилъ ему крупную сумму денегъ; отецъ Кадма, Скионъ, пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ Дарія, и черезъ своего посредника Гелонъ всегда въ нужную минуту могъ завязать отношенія съ персидскимъ царемъ: въ случаѣ побѣды персовъ Кадмъ долженъ былъ передать Ксерксу деньги и выразить вѣрнопопданническія чувства Гелона; въ противномъ случаѣ немедленно вернуться со своей суммой.

Страхъ грековъ выразился между прочимъ въ совѣтахъ Дельфійскаго оракула, находившаго, что надо смириться передъ неминуемой судьбой и подчиниться. А вотъ выраженія мегарскаго поэта-аристо-

крата, въ которыхъ отражаются и сомнѣнія относительно возможности борьбы, и узкій партикуляризмъ гражданина маленькой общины: «Фебъ, ты самъ оградилъ этотъ городъ стѣнами, защити насъ отъ персидскаго войска, чтобы мы могли опять справлять празднества въ честь тебя; страхъ меня разбираетъ, когда я погляжу на неразуміе и губительный раздоръ между эллинами; охрани же, милостивецъ, нашъ городъ»³⁵.

Число тѣхъ общинъ, которыя рѣшили сопротивляться персамъ, было невелико; сюда принадлежали всѣ пелопоннесцы, кромѣ Ахайи и Аргоса, а изъ Средней Греціи только Аоины, Мегара, Фесіи и Платен. Патріоты (*οἱ ἀμείνω φρονέοντες*, буквально «честно мыслящіе») составили симмахію, союзъ, который является первой попыткой широкой организаціи національнаго характера. Неясно, отъ кого исходилъ починъ созыва національнаго конгресса (*συνέδριον*). Официально Спарта вызвала делегатовъ (*πρόβουλοι*) отъ общинъ, согласившихся войти въ союзъ; они сошлись осенью 481 года въ храмѣ Посейдона на перешейкѣ и присягнули въ вѣрности союзу. Въ случаѣ счастливаго окончанія союзники обязались собрать съ измѣнниковъ общегреческому дѣлу десятину и принести въ даръ дельфійскому богу. По надписи на принесенномъ въслѣдствіи побѣдителями священномъ подаркѣ въ Дельфахъ, число союзныхъ общинъ (*οἱ συνωμόται τῶν Ἑλλήνων*) было 31. Пробылы рѣшили прежде всего пріостановить всѣ внутренніе споры и тяжбы между союзниками. Затѣмъ былъ поставленъ вопросъ о верховномъ начальствѣ на войнѣ (*ἡγεμονία*). Рѣшено было передать гегемонію спартанцамъ, какъ наиболѣе выдающимся по силѣ. Любопытна была при этомъ историческая ссылка, которую выдвинули спартанскіе басилеи; они требовали себѣ главнаго начальства надъ всѣми греками въ качествѣ законныхъ наслѣдниковъ Агамемнона, бывшаго общимъ вождемъ подъ Троей. Въ союзномъ флотѣ аоніяне далеко превосходили всѣхъ количествомъ своихъ кораблей; въ виду этого они заявили притязаніе на главное начальство на морѣ, но, встрѣтивъ общій протестъ, отступились; главнымъ адмираломъ былъ назначенъ спартанецъ; случилось странное явленіе, что командовалъ флотомъ лишенный опыта представитель сухопутной державы, почти не выставившей кораблей. Союзники не опредѣлили, повидимому, количества отрядовъ и кораблей, которые должны быть поставляемы въ союзное войско и флотъ, и ограничились только обѣщаніемъ содѣйствовать общему дѣлу въ мѣру силъ; была собрана со всѣхъ общинъ извѣстная сумма и уплачена спартанцамъ въ качествѣ военнаго налога (*ἀποφορά*); установленіе долей въ этомъ взносѣ для отдѣльныхъ общинъ было поручено аонянину Аристиду, какъ особому специалисту; его возвра-

щеніе изъ изгнанія показываетъ, что въ Афинахъ въ виду нашествія была объявлена амністія. Конгрессъ пробуловъ на Истмѣ носилъ характеръ лишь предварительнаго совѣщанія. Онъ разошелся, какъ только собрались военныя силы, и больше о его дѣятельности въ теченіе всей войны ничего не слышно. Составился другой чисто-военный совѣтъ стратеговъ, начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ и флотилій, который установилъ планъ военныхъ операцій, затѣмъ образовались двѣ особыя организаціи, два совѣта стратеговъ, сухопутный и морской, которые вырабатывали уже самостоятельно свои рѣшенія³⁶.

Несовершенство этихъ формъ бросается въ глаза; онѣ ярко отражали общій разладъ интересовъ. Передъ каждой крупной операціей поднимался споръ по существу, и всякій разъ обнаруживалась неохота Спарты и другихъ пелопоннесцевъ выступать со всей силой за предѣлы своего полуострова.

Защита Средней Греціи. Планъ сухопутной обороны грековъ, внушенный устройствомъ поверхности страны, былъ очень простъ. Греція защищена съ сѣвера рядомъ поперечныхъ горныхъ загоронокъ, и синедріонъ, собравшійся на Истмѣ, рѣшилъ послать отрядъ въ 10.000 человекъ для обороны самаго сѣвернаго горнаго прохода, отдѣляющаго Тессалію отъ Македоніи. Этотъ корпусъ, однако, скоро отступилъ, ссылаясь на ненадежность тессалійцевъ и трудность обороны горныхъ путей около Олимпа. Ксерксъ занялъ поэтому безпрепятственно самую богатую долину сѣверной Греціи, получивши возможность укрѣпиться въ ней и хорошо продовольствовать свою армію. Въ это время греческій флотъ, будучи вдвое меньше количествомъ персидскаго, отступалъ, слѣдуя извилинамъ берега и стараясь избѣгнуть столкновенія въ открытомъ морѣ. Греки сдали первую линію своихъ естественныхъ укрѣпленій. Вопросъ стоялъ теперь о защитѣ второй, труднѣе одолимой загородки, отдѣлявшей горцевъ Тессаліи отъ среднегреческихъ областей. Къ Термопильскому проходу двинуть былъ отрядъ, составленный изъ пелопоннесцевъ и беотійцевъ, на этотъ разъ подъ начальствомъ одного изъ спартанскихъ царей, Леонида. На высотѣ Термопиль, у мыса Артемисія, сѣверной оконечности Эвбеи, остановился и флотъ греческій, готовый встрѣтить персидскую эскадру.

Сраженія при Термопилахъ и Артемисіи произошли одновременно, и результатъ ихъ состоялъ въ томъ, что греки отдали и вторую линію защиты своей страны. При Термопилахъ у Леонида было около 4000 человекъ, изъ нихъ 300 спартіатовъ и 700 періойковъ; все зависѣло отъ защиты одновременно Термопильскаго прохода и горныхъ тропинокъ, по которымъ персы могли обойти термопильскую позицію. Въ горахъ было поставлено мѣстное ополченіе фокидянъ; въ рѣшитель-

ную минуту они отступили и предали гибели отрядъ Леонида, который успѣлъ отпустить только часть своихъ солдатъ. Геройская защита потерянной позиціи у Термопилъ и безцѣльная отдача на жертву спартанцевъ въ этой битвѣ всегда вызывала недоумѣнія изслѣдователей. Почему Спарта не отправила болѣе значительнаго войска, которое могло бы долше удерживать Термопилы. и въ то же время не дать обойти себя со стороны горъ? Въ основѣ вѣроятно лежало все то же нежеланіе пелопоннесцевъ рисковать сразу всѣмъ изъ-за областей Средней Греціи. Однако, во вниманіе къ настоятельнымъ требованіямъ аѳинянъ, которые, со взятіемъ Термопилъ, остались бы вполне беззащитными, далѣе изъ-за того, чтобы не толкнуть фокидянъ и беотійцевъ прямо въ руки персовъ, Спарта рѣшила что-нибудь сдѣлать; но послали недостаточно силъ, и въ результатъ получилась потеря, и притомъ весьма цѣнной части ополченія. Та же смѣлость, которую греки проявили при Термопилахъ, характеризуетъ морское сраженіе при Артемисіи, и также въ немъ сказалась рознь пелопоннесцевъ и аѳинянъ. Навархія, т. е. верховное командованіе на морѣ, была въ рукахъ спартанца Эврибіада, человѣка малоспособнаго и безхарактернаго; онъ постоянно колебался между двумя крайностями, которыя представляли коринѳянинъ Адеймантъ, желавшій избѣгнуть битвы до отступления къ Пелопоннесу, иThemistocle, сторонникъ рѣшительныхъ и быстрыхъ дѣйствій. Сначала Эврибіадъ отдалъ приказъ къ отступленію: флотъ греческій отъѣхалъ къ Халкидѣ, въ проливѣ между Эвбеей и Средней Греціей; въ это время Леонидъ еще стоялъ подъ Термопилами и, слѣд., эскадра бросила его на произволъ судьбы. Но послѣ жестокой бури, разбившей много кораблей въ персидскомъ флотѣ, греки снова отважились двинуться къ Артемисію. Увидѣвъ громадное количество персидскихъ кораблей, пелопоннесцы опять дрогнули, и опять Themistocle стоило великихъ усилій удержать Эврибіада и Адейманта. При Артемисіи ожесточенно бились въ теченіе двухъ дней. Наконецъ, греки, также пострадавшіе отъ большой бури, отступили. Между тѣмъ произошла термопильская катастрофа, и въ результатъ двухъ неудавшихся оборонительныхъ битвъ Средняя Греція была отдана на произволъ персидскому нашествію.

Разгромъ Аттики и Саламинская битва. Повидимому, Аѳины переживали минуты необыкновенно сильнаго кризиса. Аѳиняне никогда не могли простить пелопоннесцамъ, что тѣ бросили Аттику безъ защиты; «нашего города уже не существовало, — говорятъ они въ очеркѣ своихъ патріотическихъ заслугъ у Фукидида³⁷, — когда мы двинулись въ бой, и наша община вообще висѣла на волоскѣ». Жителямъ Аттики пришлось спѣшно спасаться. Они воспользовались близостью къ берегу

своихъ кораблей и перевезли при ихъ помощи семьи и имущество, какое можно было захватить, въ Трезенъ на берегъ Арголиды и на острова Саламинъ и Эгину. Всѣ, способные владѣть оружіемъ, поневолѣ должны были взойти на военные триеры. Подъ вліяніемъ этихъ принудительныхъ обстоятельствъ получило полное торжество политикиThemistocle. Гражданство должно было совершенно оторваться отъ территоріи, всѣ отличія профессіи и званія стерлись, всѣ преимущества осѣдлыхъ земледѣльцевъ исчезли, и народъ превратился въ массу бездомныхъ пролетаріевъ, по-гречески *oetovъ*, которымъ осталось только попробовать послѣдняго счастья на морѣ; безъ сомнѣнія, флотъ получилъ значительное подкрѣпленіе, такъ какъ моряками сдѣлались теперь очень многіе педіеи и діакріи. Одинъ изъ позднѣйшихъ греческихъ историковъ сочинилъ очень правдоподобный анекдотъ, чтобы символически представить соціальнѣй переломъ, вызванный въ аѳинской жизни необходимостью отдать судьбу всего народа морю. Когда наступила минута исполнить давнишній совѣтъThemistocle, многіе аѳиняне все еще колебались, но вотъ на улицахъ аѳинскаго предмѣстья Керамика показалась своеобразная процессія: блестящій кавалеристъ и представитель высшаго сословія всадниковъ, молодой Кимонъ, сынъ Мильтіада, шель пѣшкомъ, окруженный группой товарищей, ломая конской уздой; они направлялись, торжественно, бодро настроенные, въ акрополь, къ храму Аѳины, богини-покровительницы города. Здѣсь Кимонъ оставилъ узду, посвятивши ее божеству; со словами «теперь спасеніе не въ коняхъ, а на корабляхъ», онъ схватилъ одинъ изъ щитовъ, висѣвшихъ въ храмовой ризницѣ, и направился къ морю. Примѣръ его самоотверженія сильно подѣйствовалъ на массу людей, до тѣхъ поръ нерѣшительныхъ, и увлекъ ихъ всѣхъ также на военныя суда ³⁸.

Слѣдомъ за очищеніемъ Атики въ аѳинской гавани Фалерѣ появились персидскіе корабли, а самъ Ксерксъ занялъ во главѣ сухопутнаго войска большую аѳинскую равнину. Отступившій въ Сароническій заливъ флотъ грековъ состоялъ изъ 300 триеръ слишкомъ; изъ нихъ около половины принадлежало аѳинянамъ (тогда какъ спартанцы, имѣвшіе гегемонію, выставили лишь 16 кораблей). У персидскаго флота не было теперь того перевѣса, которымъ онъ обладалъ до Артемисіа, но все же персы превосходили грековъ численностью судовъ ³⁹. Ксерксъ пощадилъ въ Беотіи общины, которыя, по указанію македонскаго царя Александра, сочувствовали персамъ, разрушилъ патріотическіе города *Феспіи* и *Платеи* и жестоко опустошилъ Атику. На акрополѣ въ Аѳинахъ персы ограбили храмы и сожгли ихъ.

Въ это время греческіе морскіе стратеги собрались на совѣщаніе

по вопросу о томъ, гдѣ ожидать врага, и гдѣ дать ему рѣшительную битву. Опять обнаружилась рознь между целопоннесцами и аонинянами, но теперь она проявилась въ особенно рѣзкой формѣ и грозила опасностью полного распаденія національной обороны. Первые хотѣли отступить къ самому Истму, послѣдней защитѣ Греціи, гдѣ собрано было все ополченіе Пелопоннеса и гдѣ работали надъ возведеніемъ крѣпостной стѣны поперекъ перешейка.Themistoklъ требовалъ битвы подъ Саламиномъ, чтобы не отдавать беззащитными аонинскія семьи, перебазенныя въ Мегару, Эгину и Саламинъ. Онъ приводилъ, впрочемъ, важное техническое соображеніе: у персовъ больше гребцовъ и болѣе подвижные корабли, слѣд., греки будутъ въ узкомъ проливѣ у Саламина поставлены выгодою противъ врага, чѣмъ въ открытомъ заливѣ у Истма. Синедрионъ стратеговъ большинствомъ рѣшилъ противъ Themistokla отступить. Однако Themistoklu удалось склонить главнаго наварха Эврибиада отсрочить рѣшеніе и созвать синедрионъ еще разъ на другой день. Для Геродота это случай опять развить популярную въ мореходной Греціи мысль о томъ, что община, сѣвши на корабли, найдетъ себѣ легко второе отечество. Исчерпавъ всѣ доводы и не добившись цѣли, Themistoklъ высказалъ будто бы угрозу: «война теперь исключительно опирается на флотъ. Если будетъ рѣшено избѣгнуть битвы, мы беремъ на корабли всѣхъ нашихъ земляковъ и отправляемся въ италійскую колонію Сирисъ, которая съ давнихъ поръ наша, да и въ пророчествахъ предназначена быть нами заселенной. А вы, утративши такихъ союзниковъ, вспомните мои рѣчи»⁴⁰. Настойчивость аонинянъ и ихъ стратега рѣшила дѣло. При Саламинѣ произошло сраженіе, составившее поворотный моментъ всей кампаніи. Геродотъ ограничивается лишь общей его характеристикой: «греки сражались, выстроившись правильными рядами, варвары же и не успѣли размѣститься въ порядкѣ, и вообще въ ихъ дѣйствіяхъ не было разсудительности, а потому съ ними случилось то, что и должно было произойти»⁴¹.

Въ словахъ Геродота сказываются позднѣйшія соображенія людей, которые склонны были выдвигать черты планомѣрности и прозорливости въ дѣйствіяхъ знаменитыхъ борцовъ 480 г. Иначе смотрѣли современники. Эсхиль, самъ участникъ Саламинскаго боя, въ трагедіи «Персы» далъ чрезвычайно яркую картину этого сраженія. У него нѣтъ ни малѣйшаго намека на безразсудство или безтолочь персовъ; онъ отмѣчаетъ только затрудненіе, въ которое попала масса кораблей персидскаго флота, благодаря тѣснотѣ узкаго пролива (прибавимъ, что персы значительно испортили дѣло своимъ финкійскимъ морякамъ тѣмъ, что набили въ корабли много ненужныхъ и бесполезныхъ на морѣ

людей и между прочимъ представителей блестящей иранской знати). Горячо восхваляя храбрость грековъ, Эсхиль, однако, ни единымъ словомъ не упоминаетъ о предусмотрительности ихъ плана; побѣда представляется ему почти необъяснимымъ чудомъ, результатомъ вмѣшательства божественныхъ силъ. Во всякомъ случаѣ, побѣдители при Саламинѣ сами не вѣрили своему успѣху: они ожидали на другой день новаго нападенія персовъ, сосредоточенныхъ въ аѳинской гавани Фалерѣ, и были очень удивлены, когда узнали, что врагъ отступилъ со всѣмъ своимъ флотомъ.

Остановка греческой обороны. Саламинская битва произвела полную деморализацію среди персовъ. Финикійскіе моряки, убоявшись жестокаго гнѣва великаго царя, воспользовались наступившей темнотой, покинули Фалерскую гавань и бросились къ роднымъ берегамъ. На военномъ совѣтѣ Ксерксу представили всю необходимость немедленнаго отступленія; главнымъ мотивомъ послужило опасеніе, что греческій флотъ двинется къ Геллеспонту, разобьетъ наведенные тамъ мосты и отрѣжетъ отступленіе. Ксерксъ приказалъ еще той же ночью плыть къ Геллеспонту и охранять мосты ⁴². Самъ онъ удалился въ Азію, оставивъ большую армію (можетъ быть, все приведенное сухимъ путемъ войско) въ Средней Греціи подъ начальствомъ Мардонія. Спѣшный отъѣздъ Ксеркса въ Азію объясняется, можетъ быть, также необходимостью борьбы съ опаснымъ возстаніемъ въ Вавилонѣ, гдѣ выступилъ халдейскій претендентъ Тарзія, вѣнчавшійся на царство въ храмѣ стариннаго мѣстнаго бога Бель-Мардука. Возможно, что пришлось отвлечь въ середину государства часть силъ, дѣйствовавшихъ противъ грековъ.

Затѣмъ повторилось нѣчто въ родѣ эпилога Мараѳонской побѣды. Узнавши, что флотъ персидскій бѣжалъ, греки бросились его преслѣдовать. Они доплыли только до острова Андроса, южнаго продолженія Эвбеи. Аѳиняне требовали дальнѣйшаго преслѣдованія, пелопоннесцы—возвращенія домой. Сошлись на томъ, чтобы взыскать съ Андроса добычу подъ видомъ штрафа за присоединеніе къ персамъ. Но андрійцы отказались платить, и союзники начали блокаду острова; ничего не добившись, они вернулись домой; мысль о продолженіи войны на морѣ была брошена. Результаты большой неожиданной побѣды при Саламинѣ свелись, такимъ образомъ, къ нулю. Вѣроятно, здѣсь главную роль сыграла борьба партій среди аѳинской общины, о которой, впрочемъ, мы можемъ лишь догадываться, такъ какъ источники ни единымъ словомъ не упоминаютъ о ней. Аѳинскіе педіеи и діакріи, поневолѣ ставшіе моряками, не могли примириться съ разореніемъ Аттики и винили въ этомъ несчастіи пелопоннесцевъ, отказавшихъ имъ

въ сухопутной помощи, а также ихъ союзникаThemistocles, который посовѣтовалъ бросить землю на произволъ судьбы. Ихъ раздраженіе выразилось въ томъ, что на слѣдующій (479) годъ они выбрали въ стратеги неThemistocles, а его злѣйшихъ враговъ, Аристида и Ксантиспа. Themistocles совершенно исчезаетъ съ политическаго горизонта на цѣлый годъ, именно на годъ, который отмѣченъ рѣшительной битвой при Платеяхъ. Его морская программа явно отброшена; аѣняне выставляютъ флотъ гораздо меньшій сравнительно съ 480 годомъ; на морѣ они не проявляютъ особой дѣятельности; все вниманіе ихъ сосредоточено на восстановленіи Аттики и на организациі новой сухопутной обороны страны, на привлеченіи всей массы пелопоннесскаго ополченія въ Среднюю Грецію.

Между тѣмъ Мардоній, перезимовавшій въ Фессалии, вторгнулся опять въ Среднюю Грецію и приближался къ Атикѣ. Онъ хорошо зналъ разногласія между греками и пытался разстроить союзъ; въ Аѣинахъ появился въ качествѣ уполномоченнаго персовъ Александръ, царь македонскій, и предложилъ полное прощеніе всѣхъ обидъ, нанесенныхъ царю аѣинянами, автономію города, увеличеніе территории и восстановленіе разрушенныхъ персами домовъ и храмовъ. Возможность отпаденія Аѣинъ встряхнула, наконецъ, Спарту изъ ея апатіи. Руководители ея политики привели въ дѣйствіе тяжеловѣсный механизмъ пелопоннесскаго союза и вызвали ополченія зависимыхъ общинъ. Аѣняне должны были, однако, до прихода пелопоннесцевъ очистить во второй разъ свою область. На слухъ о выступленіи большой арміи пелопоннесцевъ Мардоній покинулъ Атику, которую онъ успѣлъ уже опустошить, и занялъ укрѣпленный лагерь въ равнинѣ Беотіи. Противъ него, на склонахъ Киѣрона, господствующаго надъ дорогою къ Истму, расположились пелопоннесцы, къ которымъ присоединилось аѣинское ополченіе; верховное командованіе принялъ Павсаній, регентъ при малолѣтнемъ царѣ Плейстархѣ, заступивши мѣсто убитаго подъ Фермопилами Леонида. Греки выставили самое большое войско, которое когда-либо собиралось въ теченіе ихъ исторіи (по Геродоту, до 110.000); количествомъ оно, однако, уступало персидскому и, кромѣ того, не имѣло конницы. Павсаній поэтому боялся спускаться съ высотъ, и оба войска довольно долго простояли въ бездѣйствіи другъ противъ друга. Наконецъ, Мардонію удалось вызвать грековъ на бой, и въ окрестностяхъ Платей произошло сраженіе, оказавшееся роковымъ для всего персидскаго нашествія и для самого Мардонія, который нашелъ въ немъ смерть.

Конецъ персидскаго нашествія. Разсказъ Геродота о великой Платейской битвѣ⁴³ окрашенъ явно недоброжелательствомъ въ отношеніи

Спарты и особенно ея царя. Павсаній почему-то медлитъ, колеблется; передъ лицомъ врага онъ производитъ ненужныя передвиженія, утомляя даромъ своихъ солдатъ; у него нѣтъ авторитета, вслѣдствіе чего второстепенный начальникъ, спартаецъ Амомфаретъ, не слушается команды царя и остается на мѣстѣ, когда данъ былъ приказъ отступить; сама битва лишена всякаго единства, распадается въ сущности на три совершенно самостоятельныя сраженія. Если принять это изображеніе, побѣда грековъ окажется совершенно непонятной; а вѣдь она рѣшила всю кампанію, и только она избавила Грецію отъ персидскаго нашествія. Надо, очевидно, отвергнуть Геродотову характеристику Павсанія и признать за нимъ большой талантъ, тѣмъ болѣе, что ему впервые пришлось орудовать большимъ и очень пестрымъ по составу войскомъ, которое окончательно сформировалось лишь за нѣсколько дней до битвы.

Павсаній примѣнилъ тактику, испробованную Мильтіадомъ, на этотъ разъ въ значительно болѣе широкомъ размѣрѣ, и съ воинскимъ матеріаломъ, менѣе податливымъ и послушнымъ. Нѣкоторыя общины Пелопоннеса, напр., элейцы и большая часть аркадянъ, задержали присылку ополченія; видимо, они неохотно принимали участіе въ походѣ; можно было опасаться, что и тѣ отряды, которые явились во-время, способны, при затяжкѣ кампаніи, отступить и уйти домой. Павсаній сумѣлъ удержать разнородныя и капризныя группы въ повиновеніи, поставить всѣхъ и каждого на подходящія мѣста и, такимъ образомъ, извлечь изъ гражданскихъ ополченій все, что они могли дать, когда сражались въ своеобразной, знакомой имъ обстановкѣ, среди пересѣченной мѣстности, въ ущельяхъ, придвинувшись къ скалистымъ склонамъ и напирая своей непроницаемой, щетинистой, желѣзной стѣной.

Разсказъ Геродота открываетъ намъ, несомнѣнно, большіе недостатки въ политикѣ и въ положеніи Спарты, но только совершенно иного рода. Пелопоннесскій союзъ не только не сплотился войной, но, видимо, сталъ расшатываться къ ея окончанію. Съ другой стороны, наученные горькимъ опытомъ съ предприимчивымъ Клеоменомъ, эфоры боялись дать царямъ слишкомъ большія силы подъ команду. Вѣроятно, этимъ объясняется слабость и нерѣшительность спартанской инициативы въ 480 году. Въ 479 году пришлось поневолѣ выйти изъ косности, и почти немедленно руководители спартанской политики встрѣтились со старыми затрудненіями: въ лицѣ Павсанія опять появился честолюбивый талантливый вождь, который вдали отъ стѣснительнаго контроля эфоровъ, опираясь на блестящую побѣду и расположенное къ нему войско, готовъ былъ вести политику на свой рискъ и по своему усмотрѣнію.

Насколько великъ былъ одно время авторитетъ Павсанія, видно

изъ его дѣйствій непосредственно послѣ битвы при Платеяхъ. Павсаній созываетъ на большой площади Платей военное собраніе, и здѣсь именемъ союзниковъ принимается рядъ постановленій: во-первыхъ, о признаніи Платей, за особенныя заслуги города передъ общей родиной грековъ, нейтральной и неприкосновенной территоріей съ обязательствомъ всѣхъ союзниковъ охранять автономію маленькой общины; въ Платеяхъ должны были происходить Элевѳеріи, праздникъ въ память освобожденія отъ персовъ. Затѣмъ было рѣшено, что союзъ противъ персовъ сохраняетъ свою силу; всѣ союзные города ставятъ отряды и корабли въ общее ополченіе и общій флотъ изъ 10.000 гоплитовъ, 1000 всадниковъ и 100 тріеръ. Наконецъ, было предположено посылать ежегодно пробуловъ и еѳоровъ, т.-е. делегатовъ отъ союзныхъ общинъ, на конгрессъ въ Платеяхъ⁴⁴. Хотя это постановленіе и не имѣло видимыхъ послѣдствій, но въ принципѣ оно чрезвычайно любопытно для тогдашней Греціи. Учрежденія, намѣтившіяся въ 481 году, предварительный конгрессъ пробуловъ на Истмѣ и совѣтъ стратеговъ потеряли всякую силу и даже просто исчезли со сцены. Рѣшаетъ дальнѣйшую судьбу союза побѣдоносное войско, и притомъ не обращаясь за утвержденіемъ своихъ дѣйствій къ отдѣльнымъ общинамъ; во главѣ его вознесенный тою же побѣдой счастливый командиръ, который у себя дома связанъ по рукамъ и по ногамъ, а теперь располагаетъ фактически диктатурой надъ союзной арміей.

Отъ Платейскаго пораженія спасся лишь небольшой отрядъ персовъ подъ начальствомъ Артабаза, бѣжавшій черезъ Тессалію и Македонію во Фракію. Гораздо меньше значенія, чѣмъ Платейская битва, имѣло одновременное съ нею сраженіе при мысѣ Микале въ Іоніи. Въ этомъ дѣлѣ также не видно рѣшенія какого-либо союзнаго учрежденія или общинъ, входившихъ въ союзъ; это—самостоятельное выступленіе флота, къ которому обратились іонійцы съ острова Хіоса. Когда флотъ подъ начальствомъ Леотихида приблизился къ о. Делосу, появились делегаты Самоса, прося принять ихъ общину въ національный союзъ и подать имъ помощь противъ персовъ. Передъ натискомъ греческаго флота персидскіе корабли, остатокъ эскадры 480 года, отступили къ полуострову Микале, подъ прикрытіе своего сухопутнаго войска. Персы вытащили суда на берегъ и окопались около нихъ. Греки высадились велѣдъ за ними и взяли укрѣпленія приступомъ.

Условія пораженія персовъ. О возобновленіи похода на Грецію не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что борьба противъ мятежнаго Вавилона тоже затянулась, отвлекая вниманіе персовъ отъ западной окраины. Большое предпріятіе Ксеркса, планомерно задуманное, проводившееся настойчиво и послѣдовательно, разбилось о дѣйствія слабой, ли-

шенной единства федераціи грековъ, силы которыхъ къ тому же и численно уступали персидскимъ. Этотъ результатъ, на первый взглядъ странный, объясняется въ значительной мѣрѣ степеніемъ внѣшнихъ и случайныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ особенно важно возстаніе, кипѣвшее въ самомъ сердцѣ большого государства, въ его главной житницѣ и на узлѣ торговыхъ и военныхъ дорогъ. Одновременная неудача персовъ въ Европѣ и вавилонскій мятежъ отмѣчаютъ вообще кризисъ въ державѣ Ахеменидовъ. Она явно не въ силахъ была распространять дальше свою завоевательную политику. Но, съ другой стороны, на исходѣ Ксерксова предпріятія отразились естественныя условія, заключавшіяся въ строеніи Греціи и въ характерѣ населявшаго ее народа.

Персы хотѣли пройти шагъ за шагомъ всю Грецію и поддержать свою сухопутную армию флотомъ. Въ томъ и другомъ движеніи они встрѣтили большія затрудненія. На сушѣ мѣшали послѣдовательно пересѣкающіе дорогу кряжи горъ, которые позволяли лишь медленно перебираться изъ одного кантона въ другой; персы съ трудомъ пробились въ Среднюю Грецію, но такъ и не рѣшились напасть на послѣднюю загородку, пересѣкающую перешеекъ. На морѣ они имѣли дѣло съ безконечно извилистой линіей береговъ, которая давала возможность греческимъ кораблямъ ускользнуть отъ подавляющей массы персидскаго флота и вновь собираться для сопротивленія. Иранцы явились на чуждую имъ почву, и все чуждое соединилось противъ нихъ: незнакомыя внѣшнія условія и вжившаяся въ нихъ своеобразная культура. Главной особенностью этой культуры была необыкновенно напряженная жизнь самостоятельныхъ мелкихъ общинъ, составъ которыхъ не превышалъ въ среднемъ десятка или полудесятка тысячъ гражданъ. Маленькая община Платей, выставивъ ополченіе въ 1000 человекъ, отправляла въ бой все свое гражданство. Этотъ платейскій отрядъ, а также ополченіе сосѣднихъ Эесій бились въ 479 году почти у самыхъ стѣнъ своихъ городовъ. Въ 490 году афиняне дали битву въ полуднѣ пути отъ своего города. Всѣ они защищали свою автономію, а поддержаніе автономіи составляло группу очень реальныхъ и сильныхъ чувствъ: здѣсь соединялась привязанность къ своей маленькой, старательно обработанной землицѣ, гордость при видѣ своихъ стѣнъ, оберегающихъ гражданство отъ подчиненія посторонней силѣ, и готовность каждаго члена общины защищать свой домъ. Эти непокорные земледѣльцы и садоводы, ремесленники и торговцы не сдавались даже въ крайне отчаянномъ положеніи, когда территорію захватывалъ врагъ. Они уходили въ сосѣднія горы или, какъ афиняне въ 480 году, обращались въ пловучій народъ-островъ, готовые броситься на поиски но-

вой родины; автономія тогда замыкалась внутри кораблей, но товарищеская сплоченность общины оставалась попрежнему живой силой. Персы могли бы добиться успѣха въ Греціи только при полномъ истребленіи поднявшихся противъ нихъ общинъ.

Оцѣнка побѣды среди самихъ грековъ. Впослѣдствіи, въ вѣкъ рационализма, существовали два, до извѣстной степени противоположныхъ взгляда, отразившихся одинъ у Геродота, другой у Фукидида. Геродотъ, поклонникъ аѣннской демократіи, выдвигаетъ на первое мѣсто предусмотрительность аѣннѣянъ, ихъ несокрушимую энергію и неослабѣвающую предприимчивость; Греція имъ обязана своимъ спасеніемъ. Фукидидъ, болѣе холодный наблюдатель, принимаетъ другое сужденіе: «извѣстно,—говоритъ онъ устами коринѣянъ,—что варварь потерпѣлъ неудачу, главнымъ образомъ, отъ собственныхъ ошибокъ»⁴⁵. Въ силу этого взгляда неудача персовъ была только счастливою случайностью для Греціи, а не слѣдствіемъ ударовъ, нанесенныхъ военнымъ геніемъ грековъ.

Взгляды участниковъ самой войны были не такъ отвлеченно-разсудочны, какъ заключенія историковъ слѣдующихъ поколѣній. Ярko отразились они въ пьесѣ Эсхила «Персы», поставленной на сценѣ въ десятилѣтіе, ближайшее къ нашествію азіатовъ. Эсхиль влагаетъ мораль своей патріотической драмы въ уста умершаго врага Дарія, который представляется ему великимъ и разумнымъ устроителемъ громаднаго государства. Въ рѣчи Дарія мы находимъ, къ нашему изумленію, прежде всего, очень благопріятную оцѣнку персидскихъ царей и въ особенности Кира, отличавшагося «мягкостью». О предпріятіи сына Ксеркса Дарій говоритъ, какъ о юношеской безумной выходкѣ. «Но какъ спасти намъ персидскій народъ отъ дальнѣйшихъ страданій?» спрашиваетъ хоръ стариковъ. Духъ Дарія отвѣчаетъ: «Никогда болѣе не помышляйте идти походомъ на равнины Эллады, хотя бы войско ваше было еще громаднѣе числомъ; вѣдь съ ними въ союзѣ сражается ихъ родная земля».—«Что за слово сказалъ ты? Какъ это имъ помогаетъ земля?»—*Дарій*: «Она поражаетъ голодомъ всѣхъ, кто занесся въ гордынѣ непомерной»⁴⁶. Далѣе Дарій изображаетъ предстоящую гибель персовъ при Платеяхъ (время дѣйствія въ «Персахъ» непосредственно послѣ Саламинской битвы). За что обрушивается на нихъ столь ужасная катастрофа? «За то, что они осквернили алтари греческихъ боговъ, ограбили и сожгли храмы. Боги произнесутъ надъ ними свой справедливый приговоръ и накажутъ ихъ за высокомеріе».

Воля боговъ, могущество высшихъ силъ—вотъ основной двигатель въ великомъ столкновеніи. Эсхиль, правда, не забываетъ сказать комплиментъ республиканскому духу аѣннѣянъ: «они никому не подчинены,

они не рабы какого-либо властелина». Но все-таки человѣческія условія, въ глазахъ драматурга, ничтожны въ сравненіи съ стихіями, которыя помогали грекамъ; гибель персовъ—результатъ приговора мировой справедливости, произнесеннаго и выполненнаго провидѣніемъ боговъ.

Черты религіозной историографіи. Въ приведенныхъ словахъ Эсхила выражается господствующее настроеніе эпохи. Греція времени національной войны полна религіозныхъ страховъ и предчувствій, религіознаго восторга и ожесточенія. Геродотъ въ своемъ разсказѣ сохранилъ много характерныхъ въ этомъ отношеніи черточекъ.

Вотъ, напр., встрѣча скорохода Фидиппида, аѣинскаго гонца, посланнаго въ Спарту, съ богомъ Паномъ въ дикой горной мѣстности Аркадіи. Панъ зоветъ скорохода по имени, останавливаетъ его и спрашиваетъ съ изумленіемъ: отчего аѣиняне не отдають ему почестей, между тѣмъ, какъ онъ всегда имъ помогаль? Узнавши объ этой таинственной встрѣчѣ, аѣиняне выстраиваютъ Пану храмъ у подножія акрополя и учреждаютъ праздникъ съ факельной процессіей ⁴⁷. Или вотъ разсказъ о странномъ поведеніи великаго мараонскаго героя, когда онъ пускается въ роковое для него предпріятіе на о. Паросѣ. Мильтіадъ, этотъ рѣшительный и умный стратегъ, не зная, какъ приняться за осаду города, вдругъ готовъ слѣдовать совѣту какой-то служительницы при храмѣ подземныхъ боговъ: ночью онъ поднимается одинъ на холмъ, гдѣ стоитъ храмъ богини Деметры, забирается въ самое святилище; здѣсь его охватываетъ страхъ, и онъ бѣжитъ назадъ, спрыгиваетъ съ высокаго вала и получаетъ роковую рану въ ногу, которая и приноситъ ему скоро смерть. По поводу этого происшествія паросцы посылають потомъ въ Дельфы особую миссію, чтобы узнать, какъ поступить съ женщиной, открывшей Мильтіаду тайны священныхъ храмовъ; Писія предлагаетъ пощадить предательницу, такъ какъ черезъ нее боги покарали врага ⁴⁸.

Очень любопытенъ разсказъ о послѣднемъ совѣщаніи Мардонія съ командирами передъ битвой при Платеяхъ. Персидскій главнокомандующій приглашаетъ греческихъ стратеговъ, находящихся съ нимъ въ союзѣ, и сообщаетъ имъ, что ему извѣстно пророчество (λόγιον), въ силу котораго персы, придя въ Грецію, ограбятъ Дельфійскій храмъ и послѣ этого преступленія всѣ погибнуть. «Зная это предостереженіе, мы, говоритъ онъ, не пошли въ Дельфы и не ограбили храма. Поэтому мы будемъ живы, и вы увѣруйте съ нами въ побѣду». Къ этому эпизоду Геродотъ неожиданно прибавляетъ свой комментарий: «Пророчество (χηρημὸς), приведенное Мардоніемъ, какъ мнѣ извѣстно, не относится къ персамъ. А вотъ есть другія предсказанія (Бакида и

Музей), которыя прямо имѣють въ виду участь персовъ, но они остались неизвѣстны Мардонію»⁴⁹. Изъ этого разсказа видно, что существовало цѣлое построеніе исторіи національной войны въ видѣ ряда старинныхъ пророчествъ и ихъ исполненія. Ко всякому событію старались подыскать λόγιον или χρησιμὸς, при чемъ возникали споры и недоумѣнія о томъ, какія пророчества вѣрно переданы и какія неправильно, какъ должны быть толкуемы и т. д. Подобная обработка исторіи національнаго кризиса въ такой мѣрѣ была популярна, что еще Геродотъ не могъ уклониться отъ ея манеры и отъ введенія въ свой трудъ самыхъ эффектныхъ мотивовъ религіозной историографіи.

¹ О персидскихъ официальныхъ лѣтописяхъ Діодоръ (по Ктесію) II, 32; о спискахъ пенсионеровъ Герод. VIII, 85. ² Гер. IV, 166. ³ Гер. III, 89—96. ⁴ Тамъ же 117. ⁵ Тамъ же 96. ⁶ Страб. XV, 3—21. ⁷ Ксеноф. Домострой 4. ⁸ Ксеноф. Киропедія VIII, 4. ⁹ Гер. V, 102. ¹⁰ Гер. I, 170. ¹¹ Гер. IV, 137. ¹² Гер. II, 99. ¹³ Гер. VII, 139. ¹⁴ Гер. VI, 98. ¹⁵ Гер. V, 37. ¹⁶ Гер. V, 97. ¹⁷ Гер. VI, 17. ¹⁸ Тамъ же 42—43. ¹⁹ Гер. I, 46. ²⁰ Bürgel Die pyläisch-delphische Amphiktyonie 1877. ²¹ Гер. V, 89. ²² Гер. I, 67—8. ²³ Гер. VI, 112. ²⁴ Тамъ же 103—117. ²⁵ Такъ думаетъ Perdrizet въ статьѣ о Skartesyale (т. е. нагорномъ лѣсѣ Пангея) Klio 1910, I. ²⁶ Арист. Ае. пол. 22. ²⁷ Плут. Аристид. 3. ²⁸ Арист. Ае. пол. 22; см. изслѣдов. Ardaillon Les mines de Laurion 1897. ²⁹ Эсх. Персы 227—34. ³⁰ Гер. VII, 6. ³¹ Гер. VII, 24. ³² Гер. VIII, 113. ³³ Delbrück Geschichte d. Kriegskunst I, 7—90; съ нимъ почти соглашается Ed. Meyer въ Geschichte des Altertums т. III., стр. 376—7. ³⁴ Гер. VII, 138. ³⁵ Theogn. eleg. 773—82. ³⁶ Гер. VII, 132, 139, 145, 175; Плут. Арист. 24. ³⁷ Оук. I, 74. ³⁸ Плут. Кам. 5; Геродотъ не знаетъ этого эпизода. ³⁹ Гер. VIII, 42—48 подробно перечисляетъ эскадры всѣхъ патриотически настроенныхъ общинъ, которыя принимали участіе въ великой морской битвѣ. ⁴⁰ Тамъ же 62. ⁴¹ Тамъ же 86. ⁴² Тамъ же 97, 107. ⁴³ Гер. IX, 59—75. ⁴⁴ Оук. II, 71. ⁴⁵ Оук. I, 69. ⁴⁶ Эсх. Перс. 768—80. ⁴⁷ Гер. VI, 106. ⁴⁸ Гер. VI, 134—5. ⁴⁹ Гер. IX, 42—43.